

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2012

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Федоров Игорь Вадимович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА
Алексеева Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Безбородов Юрий Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА (зам. гл. редактора); **Белых Владимир Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, директор ИПиП УрГЮА, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Геймур Ольга Геннадьевна**, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет; **Головина Светлана Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права УрГЮА; **Гончаров Максим Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Драпкин Леонид Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Жернаков Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Загайнова Светлана Константиновна**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА; **Кодан Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Козаченко Иван Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Койстинен Ярмо**, кандидат юридических наук (Финляндия); **Кондрашова Татьяна Владимировна**, кандидат юридических наук, профессор УрГЮА; **Кокотов Александр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ; **Круглов Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Логинова Татьяна Евгеньевна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; **Малинова Изабелла Павловна**, доктор философских наук, профессор УрГЮА; **Милицин Сергей Дмитриевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Мотревич Владимир Павлович**, доктор исторических наук, профессор; **Невинский Валерий Валентинович**, доктор юридических наук, профессор, проректор Алтайского государственного университета, заслуженный юрист РФ; **Осинцев Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Попондопуло Владимир Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; **Родионова Ольга Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Русинов Рудольф Константинович**, кандидат юридических наук, профессор УрГЮА; **Савицкий Петр Иванович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Старилов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета; **Тарханов Ильдар Абдулхакович**, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казанского государственного университета, заслуженный юрист Республики Татарстан; **Толстых Владислав Леонидович**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Новосибирского государственного университета; **Трунк Александр**, доктор юридических наук, профессор, директор Института права стран Восточной Европы Кильского университета (ФРГ); **Федорова Марина Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, советник Конституционного Суда РФ; **Хуан Даосю**, профессор, председатель Научно-исследовательского центра российского права Политико-юридического университета Китая

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮА,
 редакция «Российского юридического журнала».
 Тел./факс (343) 375-54-20, electronic.ruzh.org.
 E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.
 Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Волкова М. С. (Москва)* Дипломатическая защита
как элемент международного стандарта
в вопросах правового регулирования положения иностранцев 5

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Хантуш Салех Мехди Абдулла (Казань)* Институт наказания
в уголовном законодательстве Йеменской Республики 14

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Лыкасова А. В. (Екатеринбург)* Право работодателя
на информацию о соискателе 19

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

- Яковлева Т. А. (Санкт-Петербург)* О признании Российской Федерации
потерпевшим по делам об административных правонарушениях
в области лесопользования 23

ТОЛКОВАНИЕ В ПРАВЕ

- Борисенко О. В. (Москва)* Анализ Федерального закона № 152-ФЗ
«О персональных данных» 26

КАЗУСЫ

- ◆ Некомпетентная компетенция 31

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Соколова Е. С. (Екатеринбург)* Модель искусной памяти
в античной политико-правовой семантике:
от риторического канона к географической доктрине 33

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Балицкий К. С. (Екатеринбург)* Всероссийская студенческая
юридическая олимпиада: история создания и порядок проведения.
Победы студентов УрГЮА 49
- Маргарян Л. А. (Екатеринбург)* Карабахский вопрос
с точки зрения норм и принципов международного права 53

CONTENTS

HUMAN RIGHTS

- Volkova M. S. (Moscow)* Diplomatic protection as part
of international standard in legal regulation of foreigners 5

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Hantush Saleh Mehdi Abdulla (Kazan')* Institute of punishment
in the criminal law of the Republic of Yemen 14

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Lykasova A. V. (Yekaterinburg)* Right of the employer
to information about the applicant 19

LEGAL ASPECTS OF ECOLOGY

- Yakovleva T. A. (Saint-Petersburg)* Recognition of the Russian Federation
as the victim in cases of administrative violations in forest management 23

LEGAL INTERPRETATION

- Borisenko O. V. (Moscow)* Analysis of the Federal law № 152
«About the personal data» 26

SPECIAL CASES

- ♦ Competence of incompetent 31

PAGES OF HISTORY

- Sokolova Ye. S. (Yekaterinburg)* The model of the art-memory
in the antique political-jural semantics:
from rhetorical canon to geographical doctrine 33

STUDENTS' BULLETIN

- Balitskiy K. S. (Yekaterinburg)* All-Russian students' juridical olympiad:
the history of creation and order of executing. Victories of the students
of USLA 49
- Margaryan L. A. (Yekaterinburg)* The problem of Karabakh
according to the norms and principles of the international law 53

М. С. Волкова*

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАНДАРТА В ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена современным тенденциям международного права, касающимся защиты прав иностранцев на международном уровне. Анализируется значение механизма дипломатической защиты для формирования стандартов правового регулирования положения иностранцев независимо от государства пребывания в современном международном праве.

Ключевые слова: дипломатическая защита, ответственность государств, правовой статус иностранца, причинение вреда, минимальный международный стандарт

Key words: diplomatic protection, state responsibility, legal status of foreign national, minimal international standard

Традиционное международное право не рассматривает защиту прав иностранцев (дипломатическую защиту¹) в качестве отдельной отрасли международного права или самостоятельного института. Обычное международное право и Устав ООН обязывают государства предоставлять и гарантировать физическим лицам основные права и свободы независимо от места их пребывания. Международное право также прямо не предусматривает обязанности стран защищать своих граждан за пределами государственной территории, но такое право подразумевается и вытекает прежде всего из принципа уважения основных прав и свобод человека.

Действительно, теоретически вопросы нарушения прав иностранцев укладываются в рамки такой отрасли международного права, как защита прав человека. Права на жизнь, на свободу от рабства, права не подвергаться пыткам, не быть лишенным свободы за невыполнение договорного обязательства, не быть признанным виновным за деяние, которое не является уголовным преступлением на момент его совершения, права на правосубъектность, свободу мысли, совести и религии безусловны. Во избежание войн, революций, жестокостей и насилия государства взяли на себя обязательства по обеспечению общепризнанных прав и свобод и недопущению их нарушения. Таким образом, эти права стали в определенной степени достижением современной цивилизации, что нашло отражение в принятой в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека в качестве стандарта, требования которого должны выполнять все народы и государства, на что справедливо указывает В. А. Карташкин. В настоящее время Декларация выступает моделью, широко используемой многими странами для разработки отдельных положений по правам человека. Большинство государств рассматривают Декларацию как документ, содержащий обычные нормы международного права, подавляющее большинство которых стали нормами *jus cogens*².

Следует отметить, что в последнее время все чаще можно услышать о необходимости унификации и стандартизации права. Такие тенденции, будучи естественным следствием процессов глобализации XXI в., сформировались в мощный фактор, активно влияющий на развитие человеческой цивилизации. Вступая в новое тысячелетие, человечество начинает осознавать себя как единое целое и свое будущее видит в движении от

* Волкова Мария Сергеевна — аспирант кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, советник государственной службы (Москва). E-mail: volkovam@bk.ru.

сообщества государств к единому человеческому сообществу, что отражается в возрастающем внимании к гуманитарной проблематике, т. е. к правам человека.

Глобализация превращает наш мир в «большую деревню» и несет с собой перемены, которые, с одной стороны, открывают беспрецедентные возможности для процветания всех ее жителей, а с другой – могут рассматриваться как процесс установления экономического, политического и культурного господства более сильных в экономическом и военном отношении над более слабыми³. В связи с этим задача государств – сделать так, чтобы глобализация стала благом для всех, содействовала защите и поощрению прав и основных свобод человека при помощи эффективных международных механизмов.

Всеобщей декларацией прав человека предусмотрено равное обращение с гражданами независимо от их гражданской принадлежности, из чего можно сделать вывод, что нет необходимости рассматривать отдельно вопрос о защите прав иностранцев. Однако данное утверждение не совсем отражает действительность. Представляет интерес, какие обязательства возникают у государства перед иностранцами и можно ли говорить о сформировавшемся международном стандарте обращения с иностранцами?

Следует отметить, что государство не обязано принимать иностранцев, однако если оно это сделало, то у него возникает обязательство перед государством их гражданства предоставлять защиту их личности или имущества в соответствии с минимальным стандартом обращения с иностранцами⁴.

Действительно, иностранцы как участники международной жизни, на наш взгляд, вправе рассчитывать на самостоятельное регулирование их правового положения при сохранении за ними, безусловно, основных прав и свобод человека. Данный подход находит подтверждение в принимаемых международных актах, таких как Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают⁵, Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей⁶ и Конвенция Совета Европы об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне⁷. Данные документы выходят за рамки норм Всеобщей декларации 1948 г., которая уравнивает в правах иностранца и гражданина, говоря тем самым о специфике международной защиты прав иностранцев.

Кроме того, необходимость самостоятельного регулирования защиты прав иностранцев в международном праве подтверждается и тем, что с каждым годом увеличивается число людей, проживающих за рубежом в течение длительного времени или неоднократно переезжающих из страны в страну. В таких условиях первоначальная связь с государством гражданства постепенно теряется, и эту особенность уже нельзя не учитывать при оказании дипломатической защиты: иногда сложно определить, какая именно страна должна оказывать надлежащую защиту. В связи с этим обязанности государств по отношению к их гражданам за рубежом должны четко определяться.

В российской юридической науке специализированных работ, посвященных особенностям защиты прав иностранцев, нет. Однако важное значение при рассмотрении этой проблемы имеют труды Л. Н. Галенской⁸, М. Н. Кузнецова⁹, Л. В. Лазарева¹⁰, С. В. Черниченко¹¹, В. А. Карташкина¹² и др.

Примечательно, что в рамках ООН в последнее время активно изучается современное состояние правового статуса иностранцев. Комиссия международного права ООН анализирует содержание таких понятий, как «иностранец», «национал», «гражданин», «подданный», «уроженец»¹³. Это подтверждает справедливую точку зрения Н. Ю. Гремзы о том, что международная защита прав человека представляет собой одну из прогрессивно развивающихся отраслей международного права, в рамках которой не прекращается создание новых и кодификация уже сложившихся норм права¹⁴.

На наш взгляд, говорить о сформировавшемся стандарте цивилизованности вполне своевременно. Под стандартом в международном праве понимается комплекс международных конвенций и обычаев. Международные стандарты в области прав человека,

а следовательно, прав иностранцев, неотступно следуют за индивидом независимо от места его пребывания.

По справедливому утверждению И. И. Лукашука, человек обладает юридическим статусом, обретенным в определенной национально-правовой системе. При перемещении из сферы действия одной правовой системы в сферу действия другой он не может лишиться своих прав. В противном случае международные связи были бы невозможны¹⁵.

Право дипломатической защиты сегодня нельзя трактовать отдельно от прав и свобод человека. Но оно признается правом государства, а не индивида, поскольку именно государство выступает субъектом дипломатической защиты. Последняя не может встать в перечень прав и свобод человека, но может повлиять на выработку определенных стандартов обращения с иностранцами.

Говоря о стандартизации в целом, следует отметить, что данный вопрос однозначно в науке не решен, в связи с чем представляют интерес несколько точек зрения на так называемые стандарты обращения с иностранцами.

Как отмечает А. М. Почуев, термин «стандарт» в русском языке заимствован из английского языка («standard») и означает типовой образец, которому что-либо должно соответствовать по размерам, форме и качеству, при этом нормативность стандартов не считается обязательным их свойством, но сам факт существования стандартов формирует критерии соответствия или несоответствия той или иной деятельности требованиям, предъявляемым к участникам международно-правового регулирования. Международно-правовые стандарты являются производными от существующих принципов международного права¹⁶.

Считаем, что под международными стандартами обращения с иностранцами сегодня можно понимать *совокупность норм о правовом положении иностранцев, соблюдение которых в глобальных масштабах происходит в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в области прав и свобод человека.*

По мнению В. С. Нерсесянца, «история общесоциальной глобализации сопровождается универсализацией (и глобализацией) самого права, прогрессирующим развитием универсальных свойств, норм, форм и процедур правового типа социальной жизни и демонстрирует как социальную необходимость, так и способность права к упорядочению первоначально по преимуществу стихийных процессов общесоциальной глобализации в рамках всеобщего (общезначимого и общеобязательного) правопорядка и для внутренних, и для международных отношений. И чем более социально-исторически развито право, тем более оно универсально (глобально)»¹⁷.

Несомненно, вопрос о стандартах правового статуса иностранцев, об общечеловеческих стандартах, о стандартах цивилизованности приобретает все большую актуальность. Сегодня трудно найти международный документ, в котором не упоминались бы те или иные международные стандарты. Однако в международном праве нет общепризнанного понятия стандартов, имеются как сторонники, так и противники стандартизации. Например, Г. И. Тункин во вступительной статье к учебнику Я. Броунли отмечает, что «обращаясь к вопросам ответственности государства за ущерб, причиненный личности и собственности иностранцев на его территории, автор касается доктрины „международного стандарта правосудия“ или „минимального международного стандарта“. Согласно этой доктрине, получившей широкое распространение в период империализма, иностранцы должны пользоваться в любой стране правами, не меньшими чем те, которые якобы установлены „минимальным международным стандартом“, который выдавался за обязательные положения международного права. Опираясь на эту доктрину и вкладывая в нее весьма широкое содержание, империалистические государства обеспечили своим гражданам и компаниям привилегированное положение в слаборазвитых странах. Эта доктрина была подвергнута резкой критике в Комиссии международного права. Представители развивающихся стран (Индии, Мексики, Египта)

справедливо расценили ее как оружие империалистической политики. Они подчеркивали, что она оправдывала привилегированное положение иностранцев, консульскую юрисдикцию, интервенции империалистических государств под предлогом „защиты жизни и собственности своих граждан“. Я. Броунли, правда, осторожно, но вполне определенно высказывает свое отрицательное отношение к этой доктрине. Вместе с тем он отмечает, что начиная с 1945 г. ряд достижений в области прав человека стали придавать новое содержание международному стандарту обращения с иностранцами»¹⁸.

ООН принадлежит огромная заслуга в деле закрепления современных стандартов прав и свобод человека, она заложила основы для «широкого сотрудничества между государствами в поощрении и развитии уважения к правам и свободам человека»¹⁹. Принятие Проекта статей о дипломатической защите (далее – Проект)²⁰ – очередное подтверждение этому.

В ходе обсуждения вопросов дипломатической защиты в Комиссии международного права ООН было определено, что исторически дипломатическая защита тесно связана с концепцией ответственности государств за вред, причиненный иностранцам. Как отмечалось, государство, принявшее иностранца, обязано предоставить защиту его личности и имущества в соответствии с минимальным стандартом обращения с иностранцами. Так, Роберто Аго, специальный докладчик по вопросу ответственности государств в Комиссии, руководствуясь таким подходом, высказывал предложения кодифицировать понятие «международный минимальный стандарт» в Проекте статей об ответственности государств²¹.

Защите прав иностранцев как непосредственно действующему праву, обеспечиваемому механизмом дипломатической защиты, придается самостоятельное значение в международном праве. Наблюдается положительная тенденция на уровне государств по установлению юридических правил, определяющих характер и содержание правового положения иностранцев на базе правил, выработанных в демократических странах. Действительно, независимо от государства пребывания иностранца такие стандарты должны закреплять его правовое положение, оставляя свободу усмотрения для национальных законодателей в выборе способов их гарантии.

Можно констатировать, что современное международное право вкладывает положительный смысл в понятие «международные стандарты». Оно включает все современные наработки в области защиты прав человека, которые находят выражение в комплексе принятых конвенций. Среди них традиционно выделяется Всеобщая декларация прав человека, где «воплощен принцип универсальности... Он предполагает, что ни одно положение национального, культурного или религиозного характера не может преобладать над принципами, содержащимися во Всеобщей декларации»²². Также можно особо отметить Европейскую конвенцию о защите прав человека, Конвенцию СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., Конвенцию СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. и др.

Кроме того, международные стандарты определяются принципами международного права²³, под которыми принято понимать «нормы права более высоко уровня и общего характера, выступающие как основополагающие и общеобязательные правила поведения субъектов, в которых одновременно отражены как нравственные и политические первоначала права, так и юридические основы установления и поддержания должного правопорядка»²⁴.

К принципам международного права, оказывающим влияние на институт дипломатической защиты, относятся:

- общие принципы как основа любых систем и областей права;
- основные принципы национальных систем и международного права;
- специальные (отраслевые) принципы права²⁵.

Данная классификация справедлива и для принципов дипломатической защиты, которой присущи общие принципы права, а также специальные отраслевые, а точнее, межотраслевые.

Под «общими принципами права» принято понимать принципы (материальные и процессуальные), присущие всем или большинству правовых систем государств²⁶. Согласно ст. 38 Статута Международного суда к числу источников международного права отнесены «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Как справедливо отмечает Г. И. Тункин, в литературе имеются различные мнения по вопросу о характере и значении общих принципов права в международном праве²⁷. Не останавливаясь подробно на дискуссионных вопросах теории международного права, отметим, что общие принципы права – это общие юридические правила, используемые при применении конкретных правовых норм, определяющих права и обязанности субъектов права, многие из которых пришли из римского права²⁸. Формируясь, нормы дипломатической защиты, несомненно, испытали влияние общих принципов права, например принципа справедливости.

Очевидно, что общие методы и принципы научного познания заложены теорией государства и права, далее в рамках каждой отраслевой науки и учебной дисциплины вырабатываются собственные отраслевые принципы и методы познания и реализации норм.

Основными принципами современного международного права считаются общепризнанные нормы, имеющие наиболее важное значение для обеспечения нормального функционирования межгосударственной системы и выступающие основой всей системы международного права²⁹. Дипломатическая защита связана с правовыми нормами и обязательствами, вытекающими из базовых принципов международного права и международных договоров – принципов Устава ООН и Заключительного акта СБСЕ 1975 г.: суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела, уважения прав человека и основных свобод, сотрудничества между государствами, добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Таким образом, речь идет о принципах, изученных наукой международного права в достаточной степени, направленных на то, чтобы сохранить мир на планете, защитить каждое государство и его граждан от неблагоприятного вмешательства и нарушения основных прав и свобод. Они ориентированы на развитие дружественных отношений между странами и непровоцирование конфликтов, вызываемых невыполнением государством международных обязательств, в частности по уважению прав и свобод человека. Данные требования члены ООН, по их собственному заявлению, готовы соблюдать во взаимоотношениях «со всеми другими государствами-участниками, независимо от их политических, экономических и социальных систем, а также их размера, географического положения и уровня экономического развития»³⁰.

Следующий уровень принципов, на которых базируется дипломатическая защита, – специализированные принципы. Необходимо отметить, что в настоящее время институт дипломатической защиты в системе международного права носит межотраслевой характер.

Под межотраслевым институтом в науке принято понимать группу правовых норм, регулирующих отношения в нескольких отраслях. Ряд авторов говорят о смешанных, а также о комплексных или поливалентных институтах.

Дипломатическая защита, обладая всеми признаками правового института – обособленным предметом регулирования общественных отношений и методом правового регулирования, – испытывает на себе влияние принципов отрасли прав человека и отрасли ответственности государства в международном праве. В совокупности принципы этих двух отраслей определяют задачи исследования института дипломатической защиты, в связи с чем можно говорить о межотраслевом характере института дипломатической

защиты. Также прослеживается связь с отраслью дипломатического и консульского права, но она менее выражена.

Можно выделить специализированные принципы института дипломатической защиты в рамках более широкой отрасли международного права, такой как ответственность в современном международном праве:

- сам принцип дипломатической защиты граждан за рубежом;
- принцип ответственности государств по международному праву;
- принцип наличия ущерба в качестве основания дипломатической защиты.

Начиная с 90-х гг. XX в. практика пошла по пути разработки и принятия конкретных конвенционных норм о дипломатической защите и закрепления в Проекте ряда принципов такой защиты, что, безусловно, свидетельствует о становлении самостоятельного института дипломатической защиты в международном праве:

- принцип свободного выбора средств дипломатической защиты;
- принцип дискреционности;
- принцип запрета использования силы или угрозы применения силы в целях обеспечения дипломатической защиты граждан;
- принцип недопущения дублирования платежей, выплаченных пострадавшему государству в результате дипломатической защиты;
- принцип исчерпания внутренних средств правовой защиты в государстве-нарушителе;
- принцип национальной принадлежности требований.

Кроме того, согласно Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, принципы, касающиеся иностранцев, сводятся к следующему:

любое государство имеет право устанавливать правовой режим для иностранцев, учитывая при этом свои международные обязательства, включая обязательства в области прав человека;

иностранцы обязаны соблюдать законы государства, в котором они находятся, а за их нарушение несут ответственность наравне с гражданами этого государства;

в соответствии с национальными законами и с учетом обязательств государства по международному праву иностранцы пользуются соответствующим объемом прав и свобод;

недопустимы массовые высылки иностранцев, находящихся законно на территории данной страны; индивидуальная высылка возможна, но при соблюдении норм международного права и только во исполнение решения, принятого в соответствии с законом;

иностранцы имеют право на защиту государства своего гражданства в соответствии с Венскими конвенциями.

Очевидно, что процесс формирования специализированных принципов института дипломатической защиты не завершен и по мере увеличения практики государств по реализации дипломатической защиты будет изменяться и совершенствоваться.

Итак, если признать минимальный стандарт обращения с иностранцами, то представляет интерес точка зрения М. А. Амировой, согласно которой традиционная концепция дипломатической защиты охватывает норму, предписывающую ответственность государств в случае нарушения норм о минимальном стандарте обращения с иностранцами. В качестве примера приведем цитату из решения по делу Ниер: «Международным правонарушением может быть признано такое обращение с иностранным гражданином, которое представляет собой действия, доходящие до грубого нарушения его прав, обмана, преднамеренного нарушения обязанностей по отношению к нему, или ненадлежащие действия государственного органа, настолько отклоняющиеся от международных стандартов, что любой разумный и незаинтересованный человек незамедлительно признал бы их ненадлежащими»³¹.

Важная задача Проекта, на наш взгляд, – то, что он может заложить на международном уровне механизм, определить логику защиты прав иностранца исходя из признанных международных стандартов в отношении физических лиц как на родине, так и за рубежом. При требовании о возмещении ущерба в иностранном государстве потерпевшее лицо может ссылаться на аналогичные права, предоставляемые иностранцам в государстве его гражданства, тогда будет иметь место копирование прав, стандартизация. Л. Н. Шестаков отмечает, что международное сотрудничество в области правового регулирования статуса иностранцев ведется на двусторонней основе и включение в двусторонние договоры условия о наибольшем благоприятствовании действует таким образом, что права и преимущества, которыми наделены граждане третьих стран, автоматически распространяются на иностранцев-граждан договаривающихся стран. Действует своеобразный механизм уравнивания в правах всех иностранцев, проживающих на территории конкретного государства³².

Определенный механизм уравнивания в условиях усиления панъевропейских интернациональных тенденций актуален и на уровне универсальных международных договоров. Когда отношения между государствами Европы становятся более тесными, устанавливаются новые политические, экономические и социальные связи, взаимодействие будет эффективным лишь на основании непротиворечивого, отвечающего международно-правовым стандартам законодательства.

Более того, отсутствие правового регулирования вопросов дипломатической защиты на национальном уровне отрицательно сказывается на правовом государстве и международных отношениях. Как известно, жизнь не терпит нормативной пустоты, последняя может привести к применению правил неправового характера.

Именно сходное содержание правовых норм законодательных актов различных стран Европы, стремление государств к стандартизации правовых механизмов позволит, на наш взгляд, уменьшить количество конфликтных ситуаций, возникающих в международно-правовых отношениях, и усилить объединяющие силы в общеевропейском и общемировом масштабе.

Г. И. Тункин отмечает, что международное сотрудничество по вопросам прав человека «есть общее понятие демократии и общедемократическое понятие прав человека»³³. Этот подход в последнее время получает все более широкое признание. Превалирующее значение общечеловеческих ценностей должно отразиться прежде всего в области прав человека, где главное – обеспечение уважения каждой человеческой личности независимо от государства проживания. На практике можно разработать одинаковые для всех государств подходы к защите прав иностранцев.

Устанавливаемое в ст. 1 Проекта право дипломатической защиты послужит гарантией того, что государства будут соблюдать международные обязательства, касающиеся прав находящихся на их территории иностранных физических и юридических лиц. Оказывая своему гражданину дипломатическую защиту за рубежом, государство добивается выполнения от другого государства международных обязательств в отношении прав иностранцев.

Таким образом, идеи и принципы Проекта отражают современное состояние международного обычного права и согласуются с развитием международных стандартов в области прав человека в целом, которые должны обеспечивать защиту лицам даже вопреки воле государств, гражданами которых они являются³⁴.

Если принять во внимание, что стандарты по защите прав человека признаны нормами международного права, то нарушение таких норм будет рассматриваться как совершение международно-противоправного деяния. В связи с этим представляется неактуальным утверждение, что, в частности, Россия, осуществляя защиту своих граждан за рубежом, ограничена рамками местного законодательства и граждане могут пользоваться правами и выполнять обязанности, вытекающие из их российского гражданства (т. е. предусмотренные российским законодательством), лишь в той мере, в которой это

допускается государством пребывания³⁵. Как справедливо отмечает В. А. Карташкин, процессы глобализации и развитие международных отношений привели к изменению позиций государств в данном отношении, и в настоящее время можно говорить о том, что «права человека ныне простираются за пределы национальных границ и регулируются как законодательством государств, так и международным правом³⁶, в том числе международными стандартами. Поэтому говорят о суверенитете индивида, понимая под ним основные права и свободы каждой личности, чьи права должны защищаться и национальными, и международными нормами.

В пользу такой точки зрения можно привести мнение бывшего Генерального секретаря ООН К. Аннана, который подчеркивал, что «суверенитет предполагает ответственность, а не просто власть... Он никогда не предназначался для того, чтобы служить правительствам лицензией на попрание прав человека и человеческого достоинства»³⁷.

Все это свидетельствует о существенных изменениях как в международных отношениях, так и в международном праве в области предоставления защиты гражданам. Сегодня, очевидно, надо стремиться к высокому стандарту прав человека, который, если не гарантируется национальным законодательством, должен гарантироваться современным международным правом.

В Декларации тысячелетия, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г., главы государств и правительств единогласно заявили, что они не пожалеют усилий для поощрения демократии и укрепления правопорядка, а также для обеспечения уважения всех международно признанных прав и основных свобод человека³⁸, что уже находит отражение в разработке Проекта статей о дипломатической защите, который вносит вклад в формирование современных международных стандартов защиты прав иностранцев.

Считаем, что для государств крайне важно определить взаимосвязь между правилами дипломатической защиты и международными стандартами в области защиты прав человека. Государство обязано зафиксировать во внутреннем законодательстве нормы, касающиеся защиты индивида, исходя из прогрессивных тенденций, новых норм международного права.

¹ Подробнее об этом см.: Волкова М. С. К вопросу об определении понятия дипломатической защиты // Вестн. Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2009. № 3. С. 100–111.

² Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2009. С. 32.

³ Декларация и программа действий форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление Организации Объединенных Наций в XXI веке»: приняты Генеральной Ассамблеей ООН 26 мая 2000 г.

⁴ Joseph C. Nationality and Diplomatic Protection – The Commonwealth of Nations. Leiden, 1969. P. 3; Oppenheim's International Law / ed. by R. Y. Jennings, A. Watts. 9th ed. 1992. P. 897, 910–911. Цит. по: Док. ООН А/СТ.4/506. П. 33.

⁵ Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/144 от 13 декабря 1985 г.

⁶ Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/158 от 18 декабря 1990 г.

⁷ Принята в Страсбурге 5 февраля 1992 г.

⁸ Галенская Л. Н. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1982.

⁹ Кузнецов М. Н. Иностранцы граждане и лица без гражданства на территории СССР. М., 1985.

¹⁰ Лазарев Л. В., Марышева Н. И., Пантелеева И. В. Иностранцы граждане. М., 1992.

¹¹ Черниченко С. В. Личность и международное право. М., 1974.

¹² Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации.

¹³ Подробнее см: Второй доклад о высылке иностранцев, представленный специальным докладчиком Морисом Камто. Док. ООН А/CN.4/573. Июль, 2006.

¹⁴ Гремза Н. Ю. Конвенционные комитеты в области международной защиты прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

¹⁵ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 6.

¹⁶ Почуев А. М. Международные стандарты отправления правосудия и принципы международного права // Международное право: вчера, сегодня, завтра: тез. докл. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 44.

¹⁷ Нерсисянц В. С. Процессы универсализации права и государства // Государство и право. 2005. № 5. С. 38–47.

- ¹⁸ Броунли Я. Б. Международное право. М., 1977. Кн. II. С. 6–7.
- ¹⁹ Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. С. 18.
- ²⁰ Доклад Комиссии международного права. 58-я сессия. 1 мая – 9 июня и 3 июля – 11 августа 2006 г. Нью-Йорк, 2006 // Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. 61-я сессия. Доп. № 10 (A/51/10).
- ²¹ Подробнее см.: Первый доклад об ответственности государств, подготовленный Р. Аго // Ежегодник Комиссии международного права. 1969. Т. II. С. 139–157. Док. ООН A/CN.4/217 и Add.1; Второй доклад об ответственности государств, подготовленный Р. Аго // Там же. 1970. Т. II. С. 207–231. Док. ООН A/CN.4/233.
- ²² Цит. по: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 39.
- ²³ Подробнее об этом см.: Волкова М. С. Особенности применения международно-процессуальных норм института дипломатической защиты граждан за рубежом // Рос. юрид. журн. 2011. № 3. С. 124–133.
- ²⁴ Кузнецов В. И., Тузмухамедов Б. Р. Международное право. М., 2007. С. 187.
- ²⁵ Галенская Л. Н. Категория принципов как правовых регуляторов международных отношений // Международное право: вчера, сегодня, завтра. С. 6.
- ²⁶ Лукашук И. И. Указ. соч. С. 8.
- ²⁷ Тункин Г. И. Международное право. М., 1994. С. 66.
- ²⁸ Там же. С. 67.
- ²⁹ Международное право: учеб. / под ред. Л. Н. Шестакова. М., 2005. С. 95. Такое определение нашло подтверждение в решении Международного суда 1974 г. по спору между США и Канадой о границе в заливе Мэн, в котором указывается, что слова «принципы и нормы» выражают одну и ту же идею: термин «принципы» означает правовые принципы, т. е. «он включает нормы международного права», и что «употребление термина „принципы“ оправданно, поскольку речь идет о более общих и фундаментальных нормах».
- ³⁰ Статья 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1 августа 1975 г.
- ³¹ Цит. по: Амирова М. А. Дипломатическая защита – право государства? // Рос. государство и право. 2000. № 3.
- ³² Международное право: учеб. / под ред. Л. Н. Шестакова. С. 266.
- ³³ Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 94.
- ³⁴ Hailbronner K. Diplomatischer Schutz bei mehrfacher Staatsangehörigkeit // Ress G., Stein T. Der diplomatische Schutz im Völker und Europarecht: Aktuelle Probleme und Entwicklungstendenzen. 1996. P. 35.
- ³⁵ Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Международное право. М., 1999. С. 161.
- ³⁶ Карташкин В. А. Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире // Юрист-международник. 2003. № 3.
- ³⁷ Аннан К. Проблема вмешательства. Нью-Йорк, 1999. С. 6.
- ³⁸ Цит. по: Шестаков Л. Н. Сборник универсальных и региональных международных документов. М., 1999. С. 7.

Салех Мехди Абдулла Хантуш*

ИНСТИТУТ НАКАЗАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЙЕМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В Йемене при назначении наказания по традиции (шариат), источниками которого являются Коран, Сунна, суд не учитывает личность преступника, а принимает во внимание интересы мусульманской общины и потерпевших. При назначении наказания по закону суд должен учитывать степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, но в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса ЙР. Таким образом, различие источников уголовного законодательства ЙР порождает сложность его толкования и применения.

Ключевые слова: преступление и наказание, смертная казнь, лишение свободы, основные наказания, дополнительные наказания, превенция

There are different forms of imposing punishment – by islamical Charia and Criminal Code – in Yemen. In every case the court take into account various circumstances (interest of moslem community and victims on one side or degree of public danger of making crime, personality of criminal on other side). In such a way difference of sources of criminal law of the YR generates complexity of its interpretation and application.

Key words: crime and punishment, death penalty, confinement, substantive punishment, subsidiary penalties, preventive

История свидетельствует, у всех народов с возникновением первых зачатков организованного общежития появляются наказания за преступления, необходимым свойством которых выступает причинение преступнику боли и страдания¹. Этот факт говорит об особом значении карательной деятельности: уголовное право реализует себя через угрозу наказания и его применение.

Мусульманское право, правовая культура общества, уровень его правосознания, правовая идеология и психология оказывали и оказывают существенное влияние на уголовное законодательство Йеменской Республики (ЙР), а также на психологический механизм действия уголовного права: его нормы в глазах широких масс нередко, особенно в сфере личного статуса, выступают едиными правилами поведения, одновременно и юридическими, и моральными, и религиозными².

Известно, что наказание по уголовному праву ЙР имеет большое юридическое значение. Наказание – это естественная реакция общества на факты преступных проявлений, в процессе его назначения материализуется карательная сила государства³. Если общественно опасное деяние не влечет наказания, оно не может считаться преступлением. Признак уголовной наказуемости – обязательный признак понятия преступления. Данные понятия взаимосвязаны, что подтверждает вся история их развития в уголовном законодательстве Йеменской Республики.

Историю уголовного законодательства ЙР можно разделить на пять периодов:

первый период самый длительный, тогда действовало мусульманское уголовное право в его традиционном виде (шариат), его источниками являлись Коран, Сунна;

* Аспирант кафедры уголовного права и криминологии Казанского государственного университета (Казань). E-mail: rahman99125@yahoo.com.

второй период связан с колониальной эпохой: Османская империя господствовала над Северным Йеменом (1538–1918 гг.), Британия — над Южным Йеменом (1839–1967 гг.);

третий период ознаменовался образованием Йеменской феодальной монархии (1918–1962 гг.), когда уголовное законодательство основывалось в целом на нормах мусульманского уголовного права;

четвертый период связан с получением Йеменом суверенитета в 60-х — начале 70-х гг. XX в. В Северном Йемене основополагающим источником для уголовного законодательства послужила доктрина мусульманского права (УК 1970 г.). В Южном Йемене (Народно-Демократической Республике Йемен; НДРЙ) уголовное законодательство не имело ничего общего с мусульманским правом (не было шариата), поскольку образцом для него выступил УК РСФСР. НДРЙ жила по «социалистическим» законам⁴. В УК НДРЙ 1976 г. были отражены такие принципы уголовного права, как законность, справедливость наказания, равенство перед законом (ст. 38 УК);

пятый период начался с важного события: 22 мая 1990 г. Южный и Северный Йемен объединились в одно государство — Йеменскую Республику. После объединения вплоть до 1994 г. в Йемене действовали два источника права: исламский шариат и УК НДРЙ 1976 г. Такое парадоксальное положение порождало существенные различия в решении одинаковых вопросов в Йеменской Республике. Поэтому 12 октября 1994 г. был принят единый Уголовный кодекс Йеменской Республики, основанный на нормах исламского шариата, который действует до сих пор на всей территории Йемена⁵.

Ренессанс мусульманского уголовного права в ряде арабских стран (например, в Саудовской Аравии, Судане) в последней трети XX в. объясняется разными причинами, в частности необходимостью охраны исламских ценностей (образа жизни) от влияния западной цивилизации, повышения эффективности борьбы с преступностью. При этом нередко ссылаются на Саудовскую Аравию, где уровень преступности действительно довольно низкий.

Согласно Конституции ЙР ислам является государственной религией, а исламский шариат — основным источником законодательства, в том числе уголовного (ст. 2–3)⁶. Из этого можно сделать вывод, что ответственность и наказания за преступления против жизни и здоровья по УК ЙР должны определяться на основе шариата.

В уголовном законодательстве Йеменской Республики, как и в уголовных законодательствах большинства арабских стран, не дается определения понятия «наказание», не перечисляются и его признаки. Этот термин недостаточно разработан в мусульманском праве. Однако в арабской уголовно-правовой литературе встречаются попытки трактовать понятие «наказание» через категории «худдуд», «кисас» в соответствии с Кораном и Сунной.

Большинство современных исследователей мусульманского уголовного права понимают под *худдудом наказания, назначаемые за совершение преступлений, посягающих на основные ценности ислама (религию, жизнь, разум, продолжение потомства и собственность), предусмотренные шариатом; «ответственность за деяния, которые, во-первых, посягают только на интересы всей общины (права Аллаха); и, во-вторых, влекут наказания, однозначно определенные Кораном и Сунной»*. Абдель-Кадер Ауда отмечает, что наказание выступает возмездием за неповиновение законодателю⁷. По мнению автора, наказания категории «худдуд» установлены для защиты общества и преследуют цель общей превенции. Личность преступника при назначении наказания полностью игнорируется, имеются четко закрепленные санкции в соответствии с шариатом. Суд не может смягчить наказание или заменить его другим. Точку зрения Абдель-Кадера Ауда о наказании категории «худдуд» поддерживает российский ученый Л. Р. Сюкияйнен⁸.

С. Боронбеков полагает, что хуddуд призван защитить ислам от пороков путем очищения от преступлений. Однако очищение не является сутью хуddуда, поскольку оно достигается посредством покаяния, а не путем исполнения наказания категории «хуddуд»⁹. Таким образом, хуddуд в уголовном праве ЙР как отдельная категория наказания считается одним из элементов общей системы наказания.

*Кисас – это наказания, назначаемые за особо тяжкие преступления, состоящие в посягательстве на жизнь другого человека (умышленное убийство) либо нанесении телесных повреждений необратимого характера*¹⁰.

В правовой литературе также встречается понятие «тазир», определяемое как наказание, точно не установленное в Коране и Сунне, применяемое по усмотрению судьи с учетом соразмерности наказания преступлению, личности преступника и обстоятельствам совершения преступления. Согласно теории современного мусульманского права наказание категории «тазир» – это форма общественной реакции на совершение преступного деяния, которая традиционно преследует две основные цели: воздаяние и устрашение. Основные черты наказания представляют собой точное выражение его целей¹¹.

Таким образом, наказания категорий «хуddуд», «кисас» и «тазир» выполняют как правовую, так и социальную функцию. Правовая функция выражается в том, что наказание выступает в качестве меры реализации уголовной ответственности, социальная – в том, что оно представляет собой средство борьбы с преступностью, защиты общества от преступных посягательств на его исламские ценности.

На наш взгляд, шариат не должен провозглашаться самостоятельным источником права, противопоставляемым законодательству и имеющим верховенство по отношению к нему. Вместе с тем в современный период развития Йеменского государства еще рано совсем отказываться от норм шариата. В правоприменительной практике Йеменской Республики наблюдается оптимизация системы наказаний. Это связано с разрешением коллизий, возникающих между нормами мусульманского права и нормами международного права о праве человека.

По уголовному законодательству ЙР выделяются следующие признаки наказания:

- 1) на преступление, совершенное против ценностей ислама, возникает реакция уголовного права ЙР;
- 2) уголовное наказание применяется к физическому и юридическому лицу, совершившему преступление;
- 3) наказание назначается и применяется по приговору шариатского суда;
- 4) наказание влечет за собой судимость;
- 5) наказание связано с лишением жизни или ограничением прав и свобод осужденного лица;
- 6) уголовное наказание назначается от имени Йеменской Республики и только по приговору суда, применяется к лицу, признанному в установленном законом порядке виновным в совершении преступления (ст. 47 Конституции ЙР).

Важнейший объект защиты в современном обществе цивилизованных государств – это право каждого человека на жизнь и здоровье, поэтому проблема охраны этих прав является приоритетной и в уголовном праве. В законодательстве ряда арабских стран, в том числе ЙР, вопросы уголовной ответственности и уголовного наказания за преступления против жизни и здоровья разрешаются неоднозначно. Спорными остаются некоторые аспекты данной проблемы и в доктрине уголовного права. Одна из причин – то, что преступления против жизни и здоровья в современном Йемене совершаются не столь часто, как в других странах, например в России.

Однако после объединения Южного и Северного Йемена в 1990 г. и гражданской войны в 1994 г. в государстве увеличилось число преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из корыстных, личностных, политических и других побуждений,

а также из кровной мести. Это обусловлено ухудшением материального положения в стране. По данным уголовной статистики Центрального управления уголовного розыска Йемена, в 1996 г. было совершено 3472 преступления против жизни и здоровья, что составило 50 % от общего числа преступлений против личности, а в 1997 г. их число возросло до 4823 (56 %)¹². Следует отметить, что количество умышленных убийств в 1997 г. возросло на 7 % по сравнению с 1996 г., а к 1998 г. — на 9 %.

По уголовному праву ЙР наиболее суровые наказания — хуффуд, кисас, дийя¹³ — предусмотрены в Коране и Сунне. Например, смертная казнь установлена за отступничество от веры (ст. 259 УК ЙР), разбой, сопряженный с убийством (ст. 307), бунт (ст. 124), прелюбодеяния — путем забрасывания камнями до смерти (ст. 263), а также отсечения определенных частей тела (руки или ноги) (ст. 298). Кроме того, к осужденному может быть применено бичевание за изготовление, употребление, хранение, продажу спиртных напитков и за азартные игры (ст. 283). Наказания категории «тазир» в виде лишения свободы (ст. 39), штрафа или обязательных работ (ст. 43) применяются только в пределах, предусмотренных УК ЙР. Использование различных источников уголовного законодательства порождает сложность его толкования и применения.

В ст. 38 УК ЙР дается характеристика видов наказаний. К ним законом отнесены: 1) смертная казнь; 2) забрасывание камнями до смерти; 3) отсечение конечностей (руки или ноги); 4) иные телесные наказания (идентичные способу совершения преступления)¹⁴; 5) бичевание; 6) лишение свободы; 7) дийя; 8) урш¹⁵; 9) штраф; 10) распятие; 11) обязательная работа. Отметим, что в Уголовном кодексе НДРЙ 1976 г. не были указаны такие виды преступлений, как прелюбодеяние, употребление алкоголя, вероотступничество от ислама и др. Это предусматривалось правовой социалистической системой, существовавшей в НДРЙ.

После объединения Южного и Северного Йемена был принят новый Уголовный кодекс, согласно которому смертная казнь признавалась исключительной мерой уголовного наказания (как и в УК НДРЙ), которая назначалась только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь (ст. 129 УК НДРЙ). Я считаю, что специфической целью смертной казни как вида уголовного наказания является возмездие осужденному от имени общества за совершение особо тяжкого преступления, а также устрашение других членов общества.

В Йемене, как и в других арабских странах, наблюдается усиление уголовных репрессий, в частности активно применяется смертная казнь.

Вместе с тем ряд стран ориентируются на возврат к принципу неотвратимости наказания и восстановление тесной связи между преступлением и наказанием, для чего прежде всего следует усовершенствовать систему наказаний, свести возможность судебного усмотрения к минимуму, определить удельный вес каждого из смягчающих и отягчающих обстоятельств, унифицировать условное осуждение и применять его лишь к лицам, совершившим впервые нетяжкие преступления, с перспективой полной ликвидации института условного наказания. Эти изменения не приведут к ужесточению уголовно-правовой политики. Напротив, в условиях неопределенности уголовно-правового воздействия человек, виновный в совершении преступления, в гораздо меньшей степени защищен от административного произвола, сводящего на нет конституционный принцип равенства граждан перед законом.

По нашему мнению, наказание может быть рассмотрено в уголовном праве ЙР в трех аспектах: а) как один из центральных институтов уголовного законодательства, в котором выражаются основания и пределы уголовной ответственности, содержание и направление уголовной политики государства; б) как юридическое средство регулирования поведения людей (как осужденных, так и иных лиц), предусмотренное шариатом и уголовным законом; в) как средство борьбы с преступностью, защиты общества от посягательств на основные его ценности.

Исходя из сказанного, можно предложить следующее определение понятия «наказание» в уголовном законодательстве ЙР: *наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, посягающего на основные ценности ислама (религию, жизнь и здоровье, разум, собственность или продолжение потомства), и заключающаяся в предусмотренных шариатом и уголовным законом ограничении и лишении законных, естественных прав осужденного.*

В заключение отметим, что сегодня в Йеменской Республике наказание считается наиболее эффективным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью и кровной мстостью, а также террористическими актами как на общегосударственном, так и на международном уровне. Устранение пробелов регламентации института наказаний является одним из основных направлений уголовной политики ЙР.

¹ Хуссейн Абд-Али. Этапы развития уголовного законодательства Йеменской Республики. Аден, 1994. С. 12.

² Уголовное право ЙР. Общая часть / под ред. Али-Хасан Аль-ал Шарафи. Санаа, 1995. С. 106.

³ Там же. С. 109.

⁴ Хуссейн Абд-Али. Указ. соч. С. 25.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Конституция Йеменской Республики 1990 г. (в ред. 1994–2001 гг.).

⁷ Абдель-Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право. Бейрут, 1983. Т. 1. С. 680.

⁸ Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 183.

⁹ Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьба с экстремизмом в российском обществе. Рязань, 2004. С. 110.

¹⁰ Мустафа Ахмад аз-Зарка. Введение в исламское правоведение. Дамаск, 1969. Т. 3. С. 613.

¹¹ Там же. С. 613.

¹² Архив I Центрального управления уголовного розыска. Сана, 1998. Март.

¹³ В мусульманском праве — возмездие в соответствии с желанием семьи и наследников жертвы убийства.

¹⁴ Наказания по принципу талиона (за исключением смертной казни).

¹⁵ Неполный выкуп.

А. В. Лыкасова*

ПРАВО РАБОТОДАТЕЛЯ НА ИНФОРМАЦИЮ О СОИСКАТЕЛЕ

Статья посвящена праву работодателя на информацию о соискателе на вакантную должность. Автор подробно анализирует правомочия работодателя по получению, хранению, использованию и передаче информации о соискателе, порядок их осуществления.

Ключевые слова: право на информацию, отношения по трудоустройству, работодатель, соискатель на вакантную должность

The article is devoted to the employer's right to information in employment relations with a particular employer. The author in detail analyzes employer's authorities to obtain, keep, use and transmit information about an applicant and order of their implementation.

Key words: right to information, employment relations, employer, applicant

Акты международного характера¹ и вслед за ними Конституция РФ (ч. 4 ст. 29) провозгласили и нормативно закрепили право каждого на свободное выражение мнения, получение, распространение информации.

В России с целью создания единого эффективного механизма свободной и беспрепятственной реализации и защиты лицами принадлежащего им права на информацию был принят ряд федеральных законов, в частности федеральные законы от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Однако является ли существующее правовое регулирование отношений, возникающих по поводу реализации субъектами своего права на информацию, эффективным при трудоустройстве к конкретному работодателю? К сожалению, тех положений, которые закреплены в указанных законах, а также в ст. 64¹, 65, ч. 3 ст. 68, гл. 14 Трудового кодекса РФ, крайне недостаточно для полноценного и комплексного регулирования отношений по осуществлению права на информацию в процессе трудоустройства. Информация, являющаяся важнейшим объектом отношений по трудоустройству, и право на нее остались за рамками целостной и продуманной правовой регламентации в рассматриваемых правоотношениях. И это несмотря на то, что все действия сторон отношений по трудоустройству направлены исключительно на получение сведений, достаточных для принятия ими самостоятельного и выверенного решения о возможности устройства на работу конкретного лица к конкретному работодателю. Таким образом, недостаточное отраслевое правовое регулирование в сфере обеспечения права каждого на информацию в отношениях по трудоустройству привело к ущемлению и невозможности свободной реализации права на информацию как лицом, ищущим работу, так и работодателем, к нарушению баланса их интересов, воспрепятствованию осуществлению соискателем свободы труда, а работодателем — экономической свободы комплектования штата сотрудников.

Итак, каким же правовым статусом сегодня обладает работодатель при реализации им права на информацию в отношениях по трудоустройству в рамках законодательства?

Каждый работодатель заинтересован в том, чтобы у него работали исключительно те лица, которые в силу своих профессионально-квалификационных и личностных качеств были бы способны к выполнению определенных должностных обязанностей.

* Лыкасова Алена Вадимовна — студент Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: lykasova90@rambler.ru.

От выбора работника во многом зависит нормальное и эффективное функционирование и развитие организации работодателя. Для принятия правильного решения работодателю крайне важно получить полную и достоверную информацию о лице, претендующем на вакантную должность. Но чтобы не нарушить баланс интересов сторон отношений по трудоустройству, необходимо определить объем информации, которую вправе запрашивать работодатель от соискателя, способы ее получения, хранения, использования и передачи.

В действительности работодатель формально не ограничен в объеме получения информации от соискателя. Однако для решения задач, стоящих перед работодателем на стадии трудоустройства, ему достаточно затребовать от соискателя на вакантную должность персональные данные, в том числе сведения, которые подтверждают наличие у него определенных деловых качеств и его соответствие предъявляемым требованиям, обязательным в силу прямого указания закона или необходимым в связи со спецификой работы.

Современное российское законодательство оперирует несколькими значениями понятия «персональные данные». Согласно Федеральному закону «О персональных данных» под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)»². Очевидно, что такое определение неприемлемо для использования в рамках отношений по трудоустройству, поскольку оно чрезвычайно широко по содержанию относительно рассматриваемых нами отношений. Если работодатель получит информацию о месте жительства, социальном, имущественном положении, доходах и др. от соискателя на вакантную должность, будут нарушены нормативные предписания, запрещающие неправомерное вмешательство в частную жизнь граждан. Если речь идет о сведениях, касающихся возраста, семейного положения поступающего на работу лица, то работодатель вправе получить их только непосредственно при заключении трудового договора с данным лицом при предъявлении им своего паспорта или иного документа, удостоверяющего личность. Отсюда следует вывод, что работодатель не вправе запрашивать информацию о возрасте, семейном положении соискателя на вакантную должность на начальном этапе трудоустройства (например, во время собеседования). Исключения составляют только случаи, когда, например, в силу недостижения определенного возраста лицо не может быть принято на работу из-за ее особого характера и условий.

В ч. 1 ст. 85 ТК РФ закреплено иное определение рассматриваемого понятия, более специфическое и узкое по объему и содержанию: «Персональные данные работника – информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника». Названное определение более приемлемо для использования в отношениях по трудоустройству. К числу сведений, необходимых работодателю, относятся следующие. Во-первых, фамилия, имя, отчество претендента, в исключительных случаях – также его возраст и семейное положение. Во-вторых, сведения, которые подтверждают наличие у соискателя тех или иных деловых качеств и его соответствие предъявляемым требованиям, обязательным по закону или необходимым в силу специфики работы. Нужно отметить, что на сегодня определение понятия «деловые качества» содержится только в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»³. Однако отсутствие в нем конкретного перечня качеств, которые могут быть признаны деловыми, или хотя бы ясных и четких критериев отнесения их к таковым, на мой взгляд, предоставляет работодателю возможность широкого толкования данного понятия. Безусловно, предложенные Верховным Судом РФ разъяснения сыграли положительную роль в разрешении сложившейся правовой неопределенности, но практика все-таки указывает на необходимость нормативной конкретизации определения понятия «деловые качества».

Существующее правовое регулирование недостаточно и неэффективно для того, чтобы мы могли точно определить, какую именно информацию, в каком объеме и каких пределах работодатель вправе получать от соискателя на вакантную должность. Думается, более четкое и детальное законодательное закрепление определений понятий «персональные данные соискателя на вакантную должность» и «деловые качества» стало бы одной из важнейших гарантий защиты прав лица от дискриминации, неправомерного вмешательства в его частную жизнь и нарушения его личной и семейной тайны при трудоустройстве, что крайне важно и актуально в настоящее время.

Современное трудовое законодательство не содержит и конкретных положений о том, какими способами и средствами, при соблюдении каких условий и требований работодатель вправе получать интересующую его информацию о лице, обратившемся к нему по поводу возможного трудоустройства.

Традиционно работодатель использует такие способы получения информации, как собеседование, тестирование, анкетирование, интервьюирование и др. На первый взгляд они кажутся довольно безобидными и не представляют какой-либо угрозы для нарушения прав человека. Они стали настолько типичными и привычными в повседневной жизни, что мы, к сожалению, не обращаем внимания на то, что данные способы кроют в себе весьма опасные моменты. Перечень вопросов, которые могут задаваться претендентам на вакантную должность в рамках применения перечисленных способов получения информации, нормативно не закреплен, как, впрочем, не оговорены и конкретные критерии для признания тех или иных вопросов допустимыми или недопустимыми. Конституционными нормами и трудовым законодательством косвенно установлены лишь общие условия их формулирования: эти вопросы не должны нести в себе оттенок дискриминационности, а ожидаемый ответ на них не должен раскрывать тайну частной жизни, личной и семейной тайны. Думается, в трудовом законодательстве следует предусмотреть более ясные, четкие, конкретные положения о том, какие вопросы ни при каких обстоятельствах не могут быть заданы претендентам в процессе трудоустройства с целью получения сведений о них. При этом очень важно гарантировать допустимость отказа лица от ответа на неправомерные вопросы без негативных последствий для него в виде однозначного и закономерного отказа в приеме на работу.

При рассмотрении данного вопроса следует также отметить возникшую проблему правомерного и допустимого использования работодателем неординарных способов получения информации, необходимой ему в рамках отношений по трудоустройству. Таковыми, например, являются сбор информации о потенциальном работнике с помощью социальных сетей или проведение «шокового собеседования». В последнем случае представитель работодателя намеренно создает психологически негативную либо даже агрессивную среду или ситуацию с целью получения информации, характеризующей поведенческие реакции кандидата (например, начинает внезапно кричать на претендента, выливает на него стакан воды, дает указание совершить аморальный поступок и т. п.). Очевидно, что использование работодателем подобных способов получения информации недопустимо, поскольку они нарушают не только право человека на защиту от посягательств на его частную жизнь, но и право на защиту чести и достоинства.

Неприемлемы также некоторые другие способы, если они применяются без предварительного письменного согласия претендента в случаях, которые должны быть установлены законом (например, использование полиграфа или запрос сведений о лице с прежнего места его работы, учебы, из медицинских и иных органов и учреждений — органов внутренних дел, военкоматов, если это предусмотрено законом и необходимо в силу специфики работы). Примечательно, что некоторые шаги в данном направлении уже предпринимаются. Так, в проекте федерального закона «О применении полиграфа», внесенном в Государственную Думу РФ 24 декабря 2010 г. и предполагающем его распространение также «на отношения, которые связаны с проведением опросов с применением полиграфа в процессе установления и осуществления трудовых отношений

в соответствии с нормами трудового законодательства»⁴, содержится следующее положение: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления и организации имеют право инициировать и проводить добровольные опросы с применением полиграфа граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства при наличии их письменного согласия»⁵.

Собранная работодателем информация о лице, устраивающемся к нему на работу, редко заносится в его личное дело и хранится в течение какого-то времени. Полагаю, что законодательно необходимо внедрить обязанность работодателя по хранению полученной им информации о соискателе в течение определенного срока. Данная рекомендация направлена на достижение оптимального баланса прав и интересов работодателя и соискателя на вакантную должность и имеет прежде всего доказательственное значение. С одной стороны, это обеспечит работодателю возможность в случае возникновения спора о правомерности отказа в приеме на работу документально подтвердить обоснованность своего решения. С другой стороны, соискатель сможет также доказать факт его обращения к конкретному работодателю по поводу устройства на работу.

Если говорить о порядке осуществления иных правомочий, входящих в состав права работодателя на информацию, то, например, использовать и передавать другим лицам сведения, полученные от соискателя на вакантную должность, работодатель вправе исключительно с предварительно полученного письменного согласия этого лица и с целью возможного содействия в его трудоустройстве в рамках одной организации и ее структурных подразделений.

Подводя итог рассмотрению вопросов, касающихся определения уровня действительного обеспечения права на информацию работодателя в рамках отношений по трудоустройству, отметим следующее. Отсутствие должной законодательной регламентации в данной сфере общественных отношений неизбежно привело к тому, что работодатель в процессе трудоустройства обладает практически неограниченными возможностями при реализации своего права на информацию. Тот действительный объем информации, получаемой им от соискателя на вакантную должность и используемой в дальнейшем для его оценки как потенциального работника, не соответствует целям и задачам, присущим отношениям по трудоустройству. Работодатель фактически получает от соискателя сведения, которые по большому счету излишни и не нужны ему для принятия взвешенного, обоснованного и правильного решения о трудоустройстве такого лица. Кроме того, работодатель обладает достаточно широкими возможностями в выборе средств и способов получения информации о претенденте на вакантную должность. Это неизбежно приводит к нарушению баланса интересов работодателя и лица, устраивающегося на работу.

В связи с этим полагаю, что созданный законодателем механизм реализации и защиты права на информацию в рамках отношений по трудоустройству требует корректировки. Необходимо создать стройную отлаженную систему средств и способов его осуществления путем четкой и более детальной регламентации на отраслевом законодательном уровне правового статуса работодателя и соискателя на вакантную должность относительно обеспечения принадлежащего им права на информацию при условии сохранения баланса их интересов.

¹ Статья 19 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (принята на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III)) // Рос. газ. 1995. 5 апр.; ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Пункт 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Рос. газ. 2006. 29 июля.

³ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2004. 8 апр.

⁴ URL: <http://www.pravo.ru/news/view/45449>.

⁵ Там же.

Т. А. Яковлева *

О ПРИЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОТЕРПЕВШИМ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ

Особенность производства по делам об административных правонарушениях в области лесопользования заключается в том, что потерпевшим по данной категории дел является собственник лесного участка – Российская Федерация. Предлагается на законодательном уровне (в КоАП РФ) признать Российскую Федерацию потерпевшим в производстве по делам об административных правонарушениях в области не только лесопользования, но и охраны окружающей среды и природопользования.

Ключевые слова: административные правонарушения, лесопользование, потерпевший, производство по делам об административных правонарушениях

A feature of the cases of administrative violations in forest management is a special position of the victim – the owner of the forest area – the Russian Federation. It is necessary to recognize the Russian Federation as the victim in proceedings on administrative violations not only in forestry but also in the field of environmental protection and natural resources at the legislative level (in the Administrative Code of the RF).

Key words: administrative violations, forest management, victim, proceedings on the cases on administrative violation

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 25.2 закрепил право физических и юридических лиц на реализацию конституционного принципа охраны прав и законных интересов граждан и организаций от любых неправомерных действий. В производство по делу об административном правонарушении вовлекаются лица различных категорий, которые именуются участниками, а именно:

1) лица, непосредственно заинтересованные в исходе дела об административных правонарушениях (лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевший, защитник, представитель);

2) лица, оказывающие содействие в производстве дела об административных правонарушениях (свидетели, эксперт, специалист, переводчик, понятые);

3) лицо, имеющее особый статус (прокурор)¹.

Потерпевшим в производстве по делам об административных правонарушениях признается физическое или юридическое лицо, которому административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Участие потерпевшего в рассмотрении дела способствует защите его прав и свобод всеми не запрещенными законом способами (ст. 45 Конституции РФ), обеспечению состязательности и равноправия сторон².

Специфика производства по делам об административных правонарушениях в области лесопользования состоит в том, что потерпевшим по данной категории дел является собственник лесного участка – Российская Федерация (ч. 1 ст. 8 Лесного кодекса РФ).

В соответствии с природоресурсным законодательством России фактически все природные объекты (лесной фонд, особо охраняемые природные территории федерального значения, водные объекты, недра, животный мир) находятся в государственной

* Яковлева Татьяна Афанасьевна – адъюнкт кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург). E-mail: tanyakovleva@mail.ru.

собственности³. По словам С. С. Алексеева, «государственная собственность является главным образом формой фиксации „достояния“, „богатств“, в той или иной мере имеет черты публичного, государственно-властного явления, преимущественно служит основой для распределения и властного перераспределения материальных средств среди аппаратных структур и населения (бюджет), а в области производства может участвовать в решении экономических задач главным образом путем административного принуждения и принудительного труда»⁴. Природа и ее ресурсы, расположенные на территории России, — достояние российского многонационального народа. Признание, соблюдение и защита прав, в том числе права на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ), — обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ), и оно должно принимать меры по ее защите и охране и представлять интересы народа по делам об административных правонарушениях, предусмотренных в гл. 8 КоАП РФ.

О. В. Толстопятова, рассматривая правовой статус потерпевшего, отмечает, что по некоторым делам об административных правонарушениях в области охраны общественного порядка потерпевшим может быть признано общество в целом⁵. Однако общество в российском праве не считается субъектом права и не может быть участником производства по делам об административных правонарушениях.

На наш взгляд, в производстве по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды и природопользования, в том числе лесопользования, потерпевшим является Российская Федерация. Гражданский кодекс в ч. 2 ст. 124 признает Российскую Федерацию и его субъектов как субъектов гражданского права, и к ним применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. В КоАП РФ не урегулирован вопрос о признании Российского государства в роли потерпевшего и о том, кто должен представлять его интересы в производстве по делам об административных правонарушениях в сфере лесопользования.

В соответствии с ч. 3 ст. 25.2 КоАП РФ дело об административном правонарушении рассматривается с участием потерпевшего. В его отсутствие дело может быть рассмотрено лишь в случаях, если имеются данные о надлежащем извещении потерпевшего о месте и времени рассмотрения дела и если от потерпевшего не поступило ходатайства об отложении рассмотрения дела либо такое ходатайство оставлено без удовлетворения.

Защиту прав и законных интересов юридического лица, являющегося потерпевшим, реализуют его законные представители — руководитель, иное лицо, признанное в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица (ст. 25.4 КоАП РФ). Можно предположить, что в нашем случае представителями должны быть руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющий управление соответствующими природными ресурсами, его заместители; руководители структурных подразделений, их заместители; руководители территориальных органов, их заместителями; руководители их структурных подразделений, их заместители.

Как справедливо отмечает М. Я. Масленников, недостаточно одного указания о потерпевшем в протоколе об административном правонарушении, необходимо признание заинтересованного лица потерпевшим решением должностного лица в виде определения или постановления⁶.

Для признания Российского государства потерпевшим в производстве по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды и природопользования предлагаем:

во-первых, дополнить ст. 25.2 КоАП РФ частью 5 в следующей редакции:

«5. По делам об административных правонарушениях, предусмотренных в главе 8 настоящего Кодекса, потерпевшим является Российская Федерация»;

во-вторых, дополнить гл. 25 КоАП РФ статьей 25.4.1 «Законные представители Российской Федерации» в следующей редакции:

«1. Защиту прав и законных интересов Российской Федерации, являющейся потерпевшим, осуществляют его законные представители.

2. Законными представителями Российской Федерации в соответствии с настоящим Кодексом являются руководитель, а также иное лицо, признанное в соответствии с законом или положением государственного органа исполнительной власти Российской Федерации, его территориальных органов, уполномоченным на осуществление государственной функции управления охраной и пользованием соответствующими природными объектами. Полномочия законного представителя Российской Федерации подтверждаются документами, удостоверяющими его служебное положение».

В результате законного признания Российской Федерации потерпевшим в производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 8 КоАП РФ, постановления и решения, вынесенные должностными лицами и судьями, станут легитимными.

¹ Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс: моногр. М., 2003. С. 19; Телегин А. С., Тиунова Н. В. Правовое положение участников административно-юрисдикционной деятельности: учеб. пособие. Пермь, 2005. С. 98 и др.

² Россинский Б. В. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и информационное право. М., 2003. С. 167.

³ Статья 4 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462; ст. 1–2 Закона от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // Там же. № 10. Ст. 823; ст. 6, 12, 22, 25, 28, 31 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Там же. № 12. Ст. 1024; ст. 8 Водного кодекса РФ.

⁴ Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 50.

⁵ Толстопятова О. В. Субъектный состав административно-деликтных отношений: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 49.

⁶ Масленников М. Я. Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А. С. Дугенец. М., 2008. С. 84–90.

О. В. Борисенко*

АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ¹ 152-ФЗ «О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ»

Статья посвящена критическому анализу федерального законодательства РФ в сфере защиты прав субъектов персональных данных. Исследована правоприменительная практика защиты прав субъектов персональных данных, проанализированы наиболее значимые источники права на защиту персональных данных в Российской Федерации.

Ключевые слова: персональные данные, перенос срока

Article is devoted to the critical analysis of the federal legislation of the RF in sphere of protection of the rights of subjects of the personal data. Practice of protection of the rights of subjects of the personal data is investigated, the most significant sources of the right to protection of the personal data in the Russian Federation are analyzed.

Key words: the personal data, term carrying over

Каждый из нас является субъектом персональных данных. С помощью нормативного регулирования обеспечивается защита прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Необходимость более эффективного правового регулирования вопросов защиты персональной информации и прав субъектов, обладающих ей, признается во всем мире. Сегодня автоматизированная обработка персональных данных принципиально облегчает возможность получения и использования сведений о личности, что делает жизнь граждан «прозрачной» как для государства, так и для криминальных элементов. В связи с расширяющимся использованием глобальной сети Интернет система нормативного регулирования вопросов защиты персональных данных развивается на международном уровне. Исходя из приоритетности защиты интересов гражданина, она обеспечивает баланс между его правами и правами других заинтересованных в персональной информации субъектов.

Институт персональных данных — достаточно молодой по правовым меркам. Его становление и развитие тесно связано с изменением во времени конституционных прав и свобод человека и гражданина, в первую очередь права на неприкосновенность частной жизни. Как юридическая категория оно зародилось в США. Известные американские юристы Сэмюэль Уоррен и Луис Брандейс выдвинули утверждение, что приватность (право быть оставленным в покое, или право быть предоставленным самому себе) подвергается опасности со стороны новых изобретений и методов ведения бизнеса, и обосновывали необходимость создания специального «права приватности»¹. С развитием научного и технического прогресса мы находим все больше подтверждений справедливости данного высказывания.

В последнее время интерес к проблеме неприкосновенности частной жизни начал существенно усиливаться. Появились новые технологии и средства для сбора, хранения и обработки данных, касающихся как личной жизни индивидов, так и их публичной деятельности. В праве остро встал вопрос о принятии особых правил регулирования сбора и обработки персональных данных как все более популярного объекта хозяйственного

* Борисенко Ольга Владимировна — специалист 1-го разряда Управления по защите прав субъектов персональных данных Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Москва). E-mail: alterfaktor@mail.ru.

оборота. Сейчас самое активное развитие норм о защите персональных данных наблюдается в Европе.

Ю. В. Травкин в книге «Персональные данные»² указывает, что важнейшим международным документом в области персональных данных была Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 г. № 95/46/ЕС о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных³. Автор считает, что Директива является *de jure* стандартом для европейских стран и *de facto* мировым стандартом. С ним трудно не согласиться, так как в этом документе заложены основы общеевропейской системы защиты персональных данных, он отвечает на большинство предъявляемых к законодательству о персональных данных вопросов и на его базе формируются институты права в других странах.

В Российской Федерации правовой институт защиты прав субъектов персональных данных выстроен во многом по образцу европейского законодательства. После подписания 7 ноября 2001 г. Российской Федерацией Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных⁴ стало необходимым привести собственное законодательство в соответствие с нормами европейского права в области защиты прав субъектов персональных данных. Для выполнения этой задачи был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵ (далее – ФЗ № 152). Цель названного Закона – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В дополнение к этому Закону были приняты ряд подзаконных актов, детализирующих его положения. Одним из важнейших стал приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК), Федеральной службы безопасности РФ (ФСБ), Министерства связи и массовых коммуникаций РФ (Минкомсвязь) от 13 февраля 2008 г. № 55/86/20 «Об утверждении Порядка проведения классификации информационных систем персональных данных». Нетрудно догадаться, что обеспечение защиты персональных данных в Российской Федерации – обязанность таких ведомств, как ФСТЭК, ФСБ, Минкомсвязь. Большое количество федеральных служб, занимаясь нормотворческой деятельностью по одному вопросу, не всегда могут прийти к единому мнению, что, безусловно, не облегчает написание и выполнение законов, так как в подобных ситуациях часто используются двоякие формулировки. В российском законодательстве нередко встречаются неоднозначные положения, которые создают благодатную почву для неверного толкования закона и коррупции.

На сегодня уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных является Роскомнадзор, его задача – надзор за соблюдением требований и правил, устанавливаемых ФСБ и ФСТЭК. На наш взгляд, большей эффективностью обладали бы гражданские организации-регуляторы, которых сегодня, к сожалению, нет. Они могли бы создаваться различными структурами, работающими в сфере использования информации, например, операторами сотовой связи, медицинскими учреждениями, страховыми компаниями. По существу, речь идет об одном из этапов построения гражданского общества – формировании системы защиты циркулирующей в нем информации от неправильного использования. Саморегулирующиеся организации стали бы инструментом, способным контролировать быстроменяющиеся отрасли и вносить своевременные изменения в отраслевые стандарты.

Находясь на начальном этапе развития, институт защиты прав субъектов персональных данных требует новых подходов в построении системы регулирования и, что особенно важно, системы правового воздействия на эту сферу общественной жизни. Разработка правил и стандартов, осуществление мониторинга за их соблюдением, формирование и применение санкций за нарушение правил, внедрение процедуры вне-

судебного разрешения споров как между членами саморегулирующейся ассоциации, так и с аутсайдерами (прежде всего с субъектами персональных данных) — все эти функции могли бы выполнять организации-регуляторы.

Члены таких организаций имели бы больше легальных возможностей воздействовать на нормотворчество и политику организаций саморегулирования, нежели на политику государственных органов. Конфликты могли бы разрешаться участниками правоотношений без прямого вмешательства государства. Механизмы разрешения споров стали бы дешевле для участников правоотношений в сфере персональных данных и заняли бы меньше времени, чем судебное разбирательство. При передаче некоторых функций государственных органов саморегулирующимся самостоятельно финансируемым организациям очевидна и выгода для государства в виде экономии бюджетных средств. Эффективность саморегулирования должна поддерживаться наличием не только разработанного свода правил, но и системы контроля за соблюдением этих правил и применением санкций.

Есть у указанного подхода к регулированию правоотношений в сфере персональных данных и недостаток: организации саморегулирования смогут применять к нарушителям стандартов ведения деятельности только ограниченный набор санкций (предупреждение, публичное заявление о нарушении, в редких случаях штрафы, исключение). При этом возможно, и даже необходимо, вмешательство государства.

И на федеральном, и на местном уровне нередко принимаются нормативные акты, ущемляющие права предприятий. Ведомственные инструкции часто затрудняют нормальную работу компаний, противоречат друг другу. Отдельные фирмы в силу разных причин далеко не всегда могут и готовы спорить с государством, объединениям же делать это значительно легче. Во избежание нарушений должен производиться контроль и надзор за деятельностью предприятий гражданскими организациями-регуляторами. Роскомнадзор смог бы в полном объеме выполнять свои функции, при этом исключаются ситуации, когда нужно контролировать 7 млн операторов, а лимит проверок всего 6 тыс. в год.

Безусловно, для равномерного развития правоотношений в сфере персональных данных и исключения злоупотреблений вмешательство государства необходимо, но только в области правового регулирования, углубляться в частности таких отношений не следует, нужно предоставлять свободу их участникам.

В типовых стандартах саморегулирования в сфере персональных данных непременно должны соблюдаться права и свободы граждан. При разработке нормативных документов необходимо руководствоваться наработанной базой, отраслевыми стандартами, и тогда путь к гармонизации законодательства сократится.

С каждым днем вопрос защиты персональных данных становится все острее. Вступление в силу ФЗ № 152 предусматривает начало проверок, что предполагает приведение информационных систем в соответствие с требованиями законодательства. Роскомнадзор предусматривает необходимость подачи организацией уведомления об обработке персональных данных для регистрации в качестве оператора персональных данных. Если компания не подала уведомление, она нарушает установленные законом требования, и ее деятельность может быть приостановлена регулирующим органом. Разумеется, и подача названного уведомления, и регистрация организации в качестве оператора персональных данных не исключают проверки регулирующим органом.

Несмотря на принятие ФЗ № 152 в 2006 г., сроки вступления его в законную силу отодвигались дважды, он начал действовать только 1 июля 2011 г. Одна из причин переноса сроков — то, что процедура по приведению информационных систем в соответствие с ФЗ № 152 подразумевает большие финансовые затраты, и учреждениям, не обладающим достаточными финансовыми средствами, такие меры по обеспечению безопасно-

сти персональных данных не по карману. Причем в наиболее сложной ситуации оказываются бюджетные учреждения, которым средства бюджета на проведение необходимых мероприятий не выделены. Также Закон предусматривает серьезные требования, связанные с оформлением документов, поэтому полностью должна пересматриваться система документооборота.

26 июля 2011 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“»⁶, который несколько ужесточил требования к операторам в части технической защиты персональных данных. Документ повышает ответственность организаций за несоблюдение требований по защите личной информации. Необходимо отметить, что обсуждение темы сохранности персональных данных в последнее время усилилось в связи с появлением в открытом доступе на сайтах персональных данных достаточно большого количества граждан. Однако есть и положительные нововведения. Уточнены многие определения понятий, облегчающие их понимание и восприятие, сроки хранения персональных данных. Теперь их можно хранить сколько угодно долго, если это не регулируется федеральным законом, принятым в его исполнение нормативным правовым актом или договором, а также если стороной, выгодоприобретателем или поручителем является субъект персональных данных. Расширен перечень действий, считающихся обработкой персональных данных, сценариев, когда разрешена обработка персональных данных без согласия субъекта, увеличены сроки реагирования на запросы. Законом предусмотрено, что нормативные правовые акты по отдельным вопросам обработки персональных данных в пределах своих полномочий могут принимать не только государственные органы, но и органы местного самоуправления, и Банк России. Эта важная норма позволит найти правильный подход к защите персональных данных в конкретном случае.

Хотелось бы выдвинуть предложение по совершенствованию законодательства. Требования по защите персональных данных должны определяться оператором и вытекать из разработанных экспертным сообществом отраслевых стандартов, а не устанавливаться регуляторами, для которых соотнесение вреда и пользы в таком сложном вопросе проблематично. Эффективной альтернативой стали бы саморегулирующиеся организации, объединившие компании в зависимости от сферы деятельности. Действуя в рамках законодательства, такие организации могли бы фактически осуществлять государственное регулирование в определенных сферах. Создаваемые ими типовые стандарты содержали бы более гибкие и легче адаптирующиеся к меняющимся обстоятельствам нормы по сравнению с нормами, устанавливаемыми государством, что позволило бы заполнить пробелы в законодательстве и избежать произвола чиновников и проверяющих. В настоящей редакции Закона наработанная практика применения отраслевых стандартов, к сожалению, не учитывается. Такое концептуальное предложение могло бы быть использовано при разработке подзаконных актов.

Принятие в Российской Федерации ФЗ № 152 способствует не только лучшей защищенности субъектов персональных данных, но и укреплению внешнеполитических позиций Российского государства, росту правосознания граждан, формированию гражданского общества в нашей стране.

На наш взгляд, этот Федеральный закон важен, но он является слишком общим, требует доработки с учетом международной практики и четкой сегментации сфер применения. Специалисты, работающие с этим Законом, небезосновательно считают его сырым, не имеющим под собой подготовленной почвы. Действительно, за шесть лет работы над ним количество противоречий остается внушительным. Для предприятий малого и среднего бизнеса стоимость проекта по защите субъектов и их персональных данных может составить несколько сотен тысяч рублей в год. Мы надеемся, что благодаря четкой работе регулирующих органов необходимые изменения будут внесе-

ны. Это позволит избежать исчезновения с рынка компаний малого и среднего уровня из-за неподъемной административной и финансовой нагрузки, которую необходимо нести в связи с исполнением ФЗ № 152.

¹ Warren S., Brandies L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4. № 5.

² Травкин Ю. В. Персональные данные. М., 2007.

³ URL: <http://www.eos.ru>.

⁴ Конвенция Совета Европы о защите физических лиц в связи с автоматической обработкой персональных данных ETS № 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) // СЗ РФ. 2005. № 52. Ч. I. Ст. 5573.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»: Федеральный закон от 26 июля 2011 г. № 261-ФЗ // URL: <http://fsir.ru>.

НЕКОМПЕТЕНТНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Широкое использование механизмов саморегулирования в рамках развития институтов гражданского общества, безусловно, является позитивным моментом в формировании внутренней государственной политики и реформировании отношений между органами государственной власти и профессионально компетентными организациями и их объединениями в целях решения экономических и социально-культурных задач.

Однако в некоторых случаях суждения представителей саморегулируемых организаций становятся истиной в последней инстанции, а государственные органы практически утрачивают контроль за обоснованностью и условиями допустимости принятия управленческих решений.

Примечательны в этом плане решение Арбитражного суда Московской области от 27 октября 2010 г. по делу № А41-6266/10 и позиции сторон в данном деле.

Истец владел на праве собственности земельным участком общей площадью 6000 кв. м (категория земельного участка – земли населенных пунктов, разрешенный вид использования – для индивидуального жилищного строительства).

На данном земельном участке ФГУ ФУАД «Центральная Россия» была построена транспортная развязка федеральной автомобильной дороги «Балтия», земельный участок истца полностью заасфальтирован, по нему проложено дорожное полотно. Транспортная развязка эксплуатируется в соответствии с ее назначением, при этом истец не имеет возможности использовать принадлежащий ему земельный участок по целевому назначению (*отметим, что в ходе производства строительных работ истец не высказывал никаких возражений против организации транспортной развязки и земельный участок не использовал по назначению*).

Разработка и согласование проектной документации для строительства транспортной развязки велись ответчиком в качестве заказчика строительства в соответствии с Федеральной целевой программой «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. № 848. Однако стороны не договорились о выкупной цене фактически изъятого земельного участка. На момент строительства транспортной развязки затраты на выкуп земельных участков в сводном сметном расчете Главгосэкспертизой утверждены не были, и собственникам рыночная стоимость земельных участков, изымаемых под строительство, не возмещалась.

Поскольку земельный участок, принадлежащий истцу на праве собственности, площадью 6000 кв. м фактически был изъят без компенсации стоимости для нужд Российской Федерации при строительстве федеральной автомобильной дороги, с ФГУ ФУАД «Центральная Россия» подлежала взысканию компенсация, равная выкупной цене изъятого земельного участка.

Рыночная стоимость земельного участка согласно ст. 66 ЗК РФ устанавливается в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Истец попросил взыскать рыночную стоимость участка в размере 1 634 534 долл. США, что по официальному курсу ЦБ РФ на дату подачи искового заявления (30,51 руб.) составило 49 869 632 руб. 34 коп. В подтверждение рыночной стоимости был представлен отчет ООО «НЭО ЦЕНТР» от 23 ноября 2009 г. № КН-ДН-1020/09.

ФГУ ФУАД «Центральная Россия» против заявленного истцом размера выкупной цены земельного участка в судебном заседании не возражало.

Минэкономразвития России утверждает различные стандарты оценки, однако и саморегулируемые организации также устанавливают собственные стандарты саморегу-

лирования в части оценки различных объектов. Чем обусловлено появление такой цены изъятого земельного участка, как организован контроль формирования суммы оценки, возможно ли оспаривание оценочного заключения? Все указанные вопросы остались в данном деле без ответов, т. е., по сути, оценочное суждение специалиста выступает основанием для формирования расходных обязательств федерального бюджета, не подлежит контролю и пересмотру. Разве нет ни одного компетентного государственного органа, уполномоченного проверить профессиональную компетентность оценщика?

*Д. В. Осинцев, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и практики управления
Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург)*

Е. С. Соколова*

МОДЕЛЬ ИСКУСНОЙ ПАМЯТИ В АНТИЧНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СЕМАНТИКЕ: ОТ РИТОРИЧЕСКОГО КАНОНА К ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Исследуется влияние юридической практики на формирование античного риторического канона. Возникновение географической доктрины интерпретируется как результат проникновения искусства памяти в политическую и правовую культуру греко-римских интеллектуалов с целью обоснования цивилизационного превосходства европейцев над «варварскими» народами.

Ключевые слова: искусство памяти, мемориальное пространство, мнемонические образы, риторический канон, политико-правовая семантика, нарративная традиция, географическая доктрина, «Вечный Рим», правовое государство, европоцентризм

An author researches the influence of the juridical practice for the formation of antique rhetorical canon. The appearance of the geographical doctrine is interpreted as a result of the penetration the art of memory into political and juridical culture of Greek-roman intellectuals, which had pursued the objective to justify the civilization superiority over «barbarian» nations.

Key words: space of memory, mnemonic images, rhetorical canon, political-jural semantics, narrative tradition, geographical doctrine, «Eternal Rome», jural state, Eurocentrism

В доксографической традиции периода поздней античности существует любопытный рассказ о диалоге между Платоном и киником Диогеном, который состоялся во время одного из философских пиров интеллектуальной афинской элиты. Знаменитый синопский мудрец, известный своим негативным отношением к общепризнанным социокультурным нормам, недолюбливал приверженцев платонизма, а основателя Академии презрительно называл болтуном. Увидев, что Платон ест за столом исключительно одни оливки, отказываясь от более дорогих и изысканных блюд, Диоген ехидно предположил, что его недруг, вероятно, основательно утолил голод во время поездки на Сицилию и теперь не испытывает потребности в сытной пище. Платон возразил, что привычка к скромному столу в нем очень сильна, и даже находясь в Сиракузах, он предпочитал употреблять непритязательные кушания. Последнее слово все же осталось за Диогеном. Он грубо прервал Платона, заявив, что не стоило и тратить на поездку к Дионисиям, чтобы попробовать у них только оливки¹.

Содержание этого историко-философского анекдота отличается скрытой множественностью смыслов. Некоторые их оттенки, возможно, уже недоступны восприятию современного исследователя, мыслящего в рамках иной культурно-исторической парадигмы. Тем не менее отдельные элементы метаязыка, использованного Диогеном Лаэртием для передачи беседы двух философов, будут хорошо понятны специалисту-антиковеду. Диоген-киник избирает объектом своих насмешек этическую установку Платона на воспитательное воздействие политической философии, позволяющей превратить даже тирана в идеального правителя-мудреца. Афинские интеллектуалы хорошо знали о его неудачных попытках с помощью философских истин смягчить нравы

* Соколова Елена Станиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

сиракузского двора, прославившегося своей приверженностью к роскоши и пренебрежением к оливкам за их дешевизну и общедоступность.

Если рассматривать культуру как особую форму общения между людьми, реализуемую в границах определенного географического пространства и исторического времени, то становится очевидной синхронная природа ее коммуникативной функции. Как и любой язык, культура состоит из определенной системы знаков, служащих для передачи смысла и обладающих визуально-мнемоническими характеристиками. Методологическое значение приведенного Диогеном Лаэртием примера социальной коммуникации между основателями противоположных по гносеологии философских школ свидетельствует о наличии семантической универсальности текстовых кодов той или иной исторической эпохи. Зашифрованный смысл перепалки между Платоном и Диогеном, очевидно, обладал дискурсивной открытостью как для самих участников диалога, так и для их современников. Символический характер приведенных Лаэртием высказываний, вероятно, был понятен и греко-римским читателям. Переданный им рассказ не сопровождался никаким семантическим комментарием. Это свидетельствует о наличии в античной культуре диахронных аспектов, основанных на традиции сохранения предшествующего интеллектуального опыта посредством постоянного обращения к реминисценции как способу передачи коллективной памяти о прошлом.

В классическом нарративе можно обнаружить немало примеров стремления интеллектуалов античности «читать» окружающую их действительность как текст с зашифрованным в нем коннотативным смыслом. Их умение моделировать семантические образы расценивалось современниками как неопровержимое свидетельство элитарности мышления, присущей только высокообразованному человеку, способному постичь онтологическую сущность природы «вещей и слов». В сатире Лукиана из Самосаты (ок. 120–190 гг. н. э.) «Неучу, который покупал много книг» непонимание сущности прочитанного ставится в один ряд с попытками невежд приобретать «ученость на рынке», благодаря чему вполне можно уподобиться ослу из басни Эзопа, «который слушает игру на лире, хлопая ушами»².

Наличие скрытого текстового смысла, аккумулирующего в себе знаковую природу любого культурно-исторического феномена, и его последующие интерпретации являются неотъемлемым элементом всех социально значимых проявлений жизнедеятельности человечества. В отличие от западных философов и лингвистов, стоящих у истоков семиотики, российские ученые проявляют повышенный научный интерес к выявлению неязыковых способов социального общения, когда речевому фактору отводится лишь вспомогательная роль. Это позволяет констатировать наличие теоретического единства исследовательской позиции тартуско-московской школы, основанной Ю. М. Лотманом, с выводом М. Фуко о возможности образования бесконечного множества текстов, способных систематически воссоздавать заново объекты, о которых они повествуют. Проникновение в подразумеваемые смысловые аспекты культурно-исторического дискурса осуществляется на основе реконструкции текстовой стратегии авторов прошлого. Расшифровка использованных ими семантических кодов требует особого внимания к внеязыковым условиям их возникновения и невербальным формам дискурсивной практики. По справедливому утверждению Ю. М. Лотмана, любая знаковая система прошлого включает помимо вербальных форм множество языковых структур визуального происхождения, обладающих самостоятельной смысловой ценностью. Наконец, в качестве особого текста может восприниматься жизнь человека, избранные им поведенческие стратегии, окружающая его бытовая обстановка, круг чтения и стиль общения в различных ситуативных обстоятельствах³.

В гуманитарной науке последних десятилетий постепенно набирает силу креативный подход к методологии исторического исследования, позволяющий выявить условия формирования ментальности людей прошлого с целью осмыслить их образ мышления

и особенности социальной коммуникации в категориях, соответствующих культурно-историческому климату «утраченного времени». В отличие от современности их микромир всегда наполнен иными типами самоидентификации наряду с чуждыми для нашего понимания символами, аллегориями, иконологическими моделями и смысловыми аллюзиями. Корректная реконструкция стиля мышления и духовной жизни персонажей иного исторического времени требует сегодня серьезной перестройки методологических подходов к интерпретации нарративных источников в пользу обращения к герменевтическому анализу их текстовых стратегий вопреки традиционному увлечению значительной части отечественных гуманитариев моделированием позитивистских концепций истории.

Любой артефакт всегда обладает скрытым семантическим подтекстом. Его знаковые коды складываются из непривычных для нас смысловых топосов, несущих в себе ощутимый отпечаток субъективизма вопреки кажущейся универсальности их морфологической природы. Когда-то они, вероятно, обладали широким диапазоном социального воздействия, а с течением времени испытали влияние последующих поколений интерпретаторов, воссоздающих на основе «диалога с прошлым» интеллектуальную ауру определенного отрезка исторического времени. В целом исследовательская стратегия выявления семантического смысла «остатков прошлого» повышает методологическую значимость любого гуманитарного дискурса, в том числе политико-правового.

Экстраполяция специальных методов текстового анализа на изучение проблем, связанных с реконструкцией ценностных ориентиров людей прошлого по отношению к политической и правовой реальности, способна привести к интересным результатам в области выявления коммуникативной функции их политико-правового мышления и способов ее трансформации в последующих дискурсивных практиках. Ю. М. Лотман справедливо полагал, что знаковый смысл передачи текста от адресанта к адресату всегда заключается в изменчивости зашифрованного в нем сообщения. Превращаясь в средство контакта между автором и читателем, текст перестает быть тождествен самому себе и обогащается новыми семантическими оттенками⁴. Их реконструкция важна для историка-юриста не только своим несомненным гносеологическим потенциалом. Нередко она способна сыграть роль дисциплинирующего фактора, позволяющего внимательному исследователю избежать искушения модернизировать прошлое с конъюнктурными целями или ограничить свой методологический инструментарий процедурами описательного характера. Кроме того, неуклонное снижение социального престижа историко-правовой и историко-теоретической науки является достаточным основанием для обращения к аналитическим исследованиям, требующим не только продуманной экстраполяции общенаучных и частных методов, но и расширения круга исторических источников.

Один из наиболее ярких примеров методологических возможностей использования семантической интерпретации политико-правовых текстов прошлого — история формирования античного варианта географической доктрины. Его возникновение стало важной составной частью классической модели мнемонического искусства, появление которой отражало насущные потребности юридической практики полисного государства. Хорошо известно, что успешное функционирование данной модели в значительной мере определялось уровнем ораторской техники. Одно из основных требований риторического канона предусматривало формирование навыка запоминания больших фрагментов судебной речи на основе продуманного и упорядоченного расположения «слов и вещей» в сконструированных оратором воображаемых «местах памяти». По мнению Цицерона, совершенный ритор никогда не пренебрегает божественным законом природы, определяющим мировой порядок, где «нет ничего, что развилось бы и развернулось внезапно целиком и во всей полноте...». Превращение ораторского ремесла в подлинное мастерство начинается с умения добиться выразительности публичного выступления. Для это-

го следует тщательно обдумать существо всего дела в целом и подготовить неопровержимые доказательства правоты ответчика⁵.

Размышления Цицерона о преимуществах искусной памяти как отличительного свойства образованного и успешного ратора выходят далеко за рамки методических рекомендаций для молодых римских интеллектуалов с небольшим опытом публичных выступлений. В одном из его диалогов о тайнах искусной памяти наиболее почетное место отведено анализу риторических приемов, способных в наибольшей степени оказать воздействие на слушателей. Излагая правила составления судебного выступления в пользу подзащитного, Цицерон акцентирует внимание читателя на умении найти правильную последовательность аргументации, направленной на опровержение доводов обвинителя. Ориентируясь на собственный опыт юридической практики, он предлагает начинающим коллегам не столько подсчитывать количество найденных ими судебных доказательств, сколько взвешивать степень их основательности. Для достижения указанной цели оратору следует наметить содержание разбираемой тяжбы в целом, «или укрепить подступы к делу, или придать ему красоту и достоинство», избегая при этом лишних слов, не проясняющих сути намерений истца и ответчика⁶.

Нетрудно заметить, что составление речи на основе сформулированных принципов не могло опираться лишь на природное красноречие оратора. В диалоге Цицерона большое значение приобретает проблема усовершенствования врожденных дарований ратора посредством человеческого искусства, подражающего вселенским законам. Конструирование риторического канона переходило, таким образом, из практической плоскости в сферу философского осмысления космического универсума, делая творческую личность сопричастной божественной мудрости. Уже «Физика» Аристотеля содержит развернутое суждение об отсутствии случайностей во Вселенной, где для всего происходящего «имеется определенная причина», основанная на велениях природы. Абсолютизация природного начала, определяющего сущность социально-политической практики человеческого микрокосма, хорошо прослеживается и в отношении Цицерона к проблеме происхождения искусной памяти. Как правило, успех выпадает на долю оратора, действующего в соответствии с природой, где «все то, что на первый взгляд совершается стремительно и бурно, на самом деле подготавливается более спокойным началом». Совершенный оратор никогда не пренебрегает божественной иерархией «вещей и слов», так как ей определяется мировой порядок⁷.

Теоретическая установка на причастность каждого человека к космическому универсуму неизбежно способствовала возникновению античного представления о памяти как квинтэссенции духовных сил человечества. Тезис о божественности мнемонического дара неоднократно повторяется в греко-римских сочинениях, посвященных выявлению его онтологических истоков. Согласно Платону, душа, разочарованная несовершенством чувственного опыта, обращается к образам памяти с целью разглядеть в земных копиях божественных эйдосов «природу того, чему они подражают». Называя божественную память матерью всех муз, платоновский Сократ указывает на творческую природу свойственного мыслящему индивиду умения запоминать то, что составляет эмпирическую основу восприятия мира. В его понимании мнемоническое искусство отражает присущее человеку стремление к усовершенствованию земной жизни по законам красоты и соразмерности⁸.

Знание основ мнемонической техники позволяло образованному ратору возвыситься до понимания сущностных основ бытия, приводящих человеческий разум в состояние гармонии с порядком природы. В «Тускуланских беседах» Цицерон отмечал наличие универсальных свойств памяти интеллектуала, вовлеченного «в высокие области познания или искусства...». Естественные способности позволяют ему заниматься организацией социального быта и поисками форм политического общения граждан, создавать материальные блага и делать научные открытия. Эти дарования существенно выигра-

вают от умения удержать в памяти всю историю человеческих достижений «от самых что ни на есть простейших ремесел к возвышенным искусствам». Способность ума к воспроизведению событий прошлого позволяет проникнуть в сущность событий настоящего дня и увидеть, «что нечто должно произойти еще до того, как это действительно происходит». Тем не менее в качестве судебного оратора Цицерон восхищается прежде всего умением искусного ратора расположить порядок вербальных конструкций и выраженных ими понятий в «сокровищнице памяти» таким образом, чтобы можно было легко воспользоваться необходимыми словами для «отыскания истинных вещей»⁹.

Правила античной риторики предусматривали особый порядок запоминания предметов речи. Он должен был носить точный и ясный характер, основанный на продуманном расположении мыслительных образов. Согласно греко-римской традиции изобретение мнемонического метода приписывалось талантливому поэту-досократу Симиону Кеосскому (556–468 гг. до н. э.), который предложил придавать невидимым и отвлеченным понятиям зрительное очертание, позволяющее при необходимости удержать их в памяти «как бы простым созерцанием». От содержания этих воображаемых картин требовалась выразительность, а от композиции – возможность быстро найти нужную мысль с помощью последовательного размещения понятий и соответствующих им слов в мемориальном пространстве. Категория памяти (*memoria*) стала включаться в пятичастное деление риторики, основанное на соответствии предмета речи четкой форме его вербального воспроизведения¹⁰.

Античные риторы отмечали безграничные возможности перемещения человеческой мысли во времени и пространстве. Это позволяет оратору приготовить в случае необходимости достаточно большое количество разнообразных мест памяти (*loci*), передвижение в которых может быть быстрым и незатруднительным. Пусть «места, которые мы воображаем», будут многочисленными, приметными, отдельно расположенными, с небольшими между ними промежутками», – поучает своих собеседников Цицерон в диалоге «*De Oratore*» («Об ораторе»). Он советует тем, «кто развивает свои способности в этом направлении... держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов». Их знаковое воплощение должно быть ярким и выразительным. Образы, необходимые для вещей и слов, следует моделировать так, «чтобы они бросались в глаза и запечатлевались в уме, быстро воздействуя на память»¹¹. Так в античную риторику проникла тенденция к эстетизации визуально-ассоциативных аспектов теории искусной памяти, вызванная прагматической традицией греко-римской правовой культуры.

Под влиянием телеологического учения Аристотеля у римской политической элиты стал весьма востребованным тезис о наличии целеполагания в деятельности судебного оратора, прямо или косвенно связанной с задачей усовершенствования политико-правового пространства гражданской общины. Активизация этого направления риторической практики вызвала интерес ряда латинских интеллектуалов периода поздней республики к проблеме выявления онтологического единства мемориального дара и образов прошлого, что рождало необходимость соединения юридического образования хорошего оратора и его историографической информированности.

В соответствии с древнеримскими канонами судебного красноречия знание права рассматривалось как неотъемлемый профессиональный навык успешного ратора и почетное качество уважаемого гражданина. По мнению Цицерона, ведущая особенность правосознания политической и интеллектуальной элиты республиканского Рима заключалась в наличии представления о партикулярности правовых знаний, не имеющих статуса самостоятельной науки о смысле бытия. Удерживая в памяти многообразные сведения о содержании источников римского права, хороший оратор стремился к максимальному удовлетворению законных притязаний своего подзащитного.

Для усиления прагматического эффекта судебной речи он мог использовать различные формы реминисценции прошлого с целью укрепления в умах слушателей идеи преемственности нравственно-политических ценностей патриархального происхождения, черпая из истории примеры законопослушания, патриотизма и личной доблести выдающихся римских граждан. Ритор обращался к урокам истории ради укрепления ценностного потенциала юриспруденции, способствуя выработке идеальной модели свобододолюбивого и законопослушного римлянина. Эта особенность профессионального мышления древнеримских ораторов и политиков отразилась в разработке политико-правовой концепции «Вечного Рима», согласно которой могучая власть основанной Ромулом державы издавна держалась на системе правовых учреждений, отсутствующей у других народов¹².

Правосознание латинских риторов формировалось под воздействием представления о существенном влиянии природно-географического фактора на уровень политического быта и правовую культуру гражданской общины. Теоретическая установка классической философии на признание универсальной сущности вечного закона Вселенной в противовес преходящим предписаниям земного законодателя способствовала проникновению идей аристотелизма в латинскую риторическую традицию и историографию. Ораторская элита I в. до н. э. проявляла ярко выраженный интерес к вопросам сравнительно-исторического правоведения. На страницах риторических диалогов Цицерона образ Римской державы приобретает сакрально-теургический оттенок, трансформируясь в модель микрокосма, где в качестве антитезы абстрактной идее космического порядка, свойственной мироощущению древних греков, царит гармония права.

Согласно Цицерону, цивилизующая роль Древнего Рима по отношению к другим народам Средиземноморья обусловлена его мощным нравственно-политическим потенциалом, возникшим под влиянием особых условий природно-географической среды. Свободолюбивый дух римлян находит воплощение в нормах частного права. Каждый гражданин Рима знает разницу между своим и чужим имуществом, а также может защитить свои законные интересы перед компетентным судом. Таким образом, вопрос о необходимости изучения правоведения рассматривается римскими ораторами на фоне постановки проблемы их отношения к наследию прошлого. В цицероновском диалоге «*De Oratore*» знаменитый латинский ритор Луций Лициний Красс возносит хвалу праву, предлагая начинающим ораторам искать «многообразную картину нашей древности» в книгах понтификов и Законах XII таблиц. В них содержится множество рассуждений «об общественном благе и о государственных учреждениях»: «именно отсюда для нас становится очевидно... что следует прежде всего стремиться к нравственному достоинству, так как истинная доблесть и безупречная деятельность украшаются почестями...»¹³.

Прагматический интерес юридической общественности Древнего Рима к седой старине способствовал развитию страноведческого аспекта античного историко-политического нарратива. Традиция обращения к материалам исторической географии возникла под воздействием творческой переработки телеологической концепции Аристотеля в наследии перипатетиков. Прагматический подход к вопросам страноведения содержится, например, в обстоятельных описаниях растительного мира экзотических стран Востока, сделанных Феофрастом (372–288 гг. до н. э.) в крупнейшем ботаническом сочинении древности. Собранные им материалы отличаются многообразием оттенков мировоззренческой палитры, позволяющим использовать их для выявления способов политической самоидентификации античного гражданина через образы природы. Осознанное воздействие людей, вооруженных практическими знаниями, на облик ландшафтной среды с целью ее усовершенствования приобретает для него значение необходимого элемента гражданского бытия в полисном мире, а этот мир в свою очередь обнаруживает типологическое родство с другими частями Вселенной.

Многообразие человеческой деятельности основывается, по мнению Феофраста, на природной тяге людей к поиску наиболее совершенной творческой формы самореализации. Окружающий их природно-географический ландшафт нередко предоставляет для этой цели материал, способный к улучшению природных свойств диких растений и даже к полному изменению их видовых признаков под влиянием человеческого искусства. Разнообразие климатических зон населенной ойкумены оценивается Феофрастом как наиболее достойная сфера приложения творческого потенциала древнегреческого гражданина-интеллектуала, действующего из соображений практической целесообразности. Самые впечатляющие успехи агротехники достигаются в тех регионах, где отсутствует расслабляющее влияние чрезмерно теплого климата и слишком плодородных почв.

Интерес Феофраста к ботаническому ландшафту Ливии, Египта и Вавилона отличался весьма высокой степенью прагматизма, так как его интересовало исследование экзотических видов с целью их акклиматизации на малопродуктивных и каменистых эллинских землях. При этом он крайне скептически оценивал творческий потенциал афроазиатского населения, привыкшего пассивно пользоваться дарами природы, не прилагая никаких усилий для ее преобразования. Низкий уровень агротехники был, по мнению Феофраста, отличительным свойством и северных стран, где суровый климат и скудная растительность оставляли мало надежд на превращение ботанического ландшафта в творческую лабораторию местного земледельца. Изложенные им отдельные положения географической доктрины оказали существенное влияние на развитие чувства гражданского превосходства эллинских интеллектуалов над негреческими народами, не знающими полисной государственности с ее стремлением к реализации космического закона упорядоченной красоты.

Экскурсы географо-этнографического и природоведческого характера, значимые для развития политической практики средиземноморского полиса, содержатся и в историографическом нарративе периода высокой древнегреческой классики. Например, продолжительные путешествия, совершенные Геродотом из Галикарнаса между 455 и 444 гг. до н. э. по Азии, Египту, Фракии, Македонии и Северному Причерноморью, позволили «отцу истории» систематизировать большое количество страноведческих сюжетов. В первую очередь его внимание привлекали сведения о природно-климатических условиях земель, вовлеченных в сферу греческого влияния. Выполненные Геродотом путевые зарисовки государственного быта, обычаев и повседневной жизни соседних народов отличаются концептуальной продуманностью. Они производят впечатление тщательно подобранного страноведческого материала, назначение которого заключается в создании выразительного образа иной по сравнению с древнегреческим миром политико-правовой культуры.

Конструируя еще непривычную для греков модель деспотического мышления самых знаменитых политических лидеров Древнего Востока, Геродот нередко обращался к реконструкции смысловых аспектов ландшафтной среды официальных архитектурных сооружений глубокой древности. Например, при описании планировки Вавилона его внимание привлекли некоторые визуально-мнемонические формы укрепления царской власти, созданные с целью продемонстрировать подданным господство восточных правителей над природными стихиями и укрепить веру населения древней столицы в божественное происхождение земных владык. В частности, Геродот отметил стремление древних царей максимально использовать визуальные возможности природного ландшафта в интересах «большой политики». Он подробно описал ирригационные сооружения, предположительно возведенные в период правления Набукаднецара II (605–562 гг. до н. э.). Согласно общепринятой античной традиции инициатива их строительства приписывалась легендарной ассирийской царице Нитокрис.

В тексте «Истории» есть подробный рассказ о возведении плотины на реке Евфрат, которое сопровождалось проведением каналов за пределами Вавилона. По словам Геродота, это грандиозное начинание древности так изменило очертания реки и сделало ее «настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды». На значительном расстоянии от города Нитокрис распорядилась выкопать и облицевать природным камнем искусственное озеро «такой глубины, чтобы повсюду выступили подпочвенные воды». В период строительных работ по укреплению берегов Евфрата и сооружению каменного пешеходного моста этот импровизированный водоем использовался в качестве резервуара для отведения речного потока из старого русла. Эти мероприятия проводились в той части страны, где находились самые короткие пути из Ассирии в Мидию, что должно было создать естественный барьер для свободного проникновения в страну мидийских торговцев и лазутчиков, отправленных с целью тайного сбора сведений о политической ситуации при вавилонском дворе¹⁴.

Геродот обогатил античную историографию материалами о климатических особенностях стран Востока, представляющих злободневный интерес для образованного эллинского читателя на фоне быстро растущей опасности военно-политического противостояния греческих полисов и деспотической Персии. Его близость к окружению Перикла способствовала развитию прагматических тенденций страноведения. В отдельные главы своей «Истории» Геродот, в частности, включил сюжеты, посвященные анализу сельскохозяйственных возможностей некоторых географических регионов Востока, наиболее привлекательных для реализации амбиций афинских политиков. Он, например, отметил высокую экономическую рентабельность культивирования финиковых пальм. Немало их росло на равнине Евфрата в диком состоянии, но, сохраняя свои плодоносные свойства, они позволяли местным жителям получать дешевое сырье для производства хлеба, вина и меда. Геродот специально обращает внимание читателя и на исключительное плодородие земли в регионе Междуречья. Подобные сведения, очевидно, имели немаловажное значение для оценки экономического потенциала возможного торгового партнера и продовольственных ресурсов Персии на случай войны. Он отмечает, что вавилонское земледелие отличается и некоторой уязвимостью по сравнению с сельским хозяйством греков: «Плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина»¹⁵.

Страноведческий нарратив изначально создавался в расчете на его использование в практике международных отношений. Под влиянием риторического канона все выдающиеся творцы античной историографии стали обращаться к мемориальному компоненту в процессе разработки практических рекомендаций по усовершенствованию полисной государственности, способам воспитания гражданских добродетелей и идеологического обоснования преимущества греко-римских институтов публичной власти и норм права над «варварским» стилем жизни. В качестве особых пространственных «мест» и «образов памяти» нередко использовались природно-географические объекты, обладавшие сакральным смыслом и связанные в прошлом с деятельностью богов, героев и полумифических персонажей истории, имевших архетипическое значение. Их семантика отличалась хорошо продуманной дидактической направленностью и содержала в себе мощный политико-правовой потенциал. В восприятии образованного античного гражданина наибольшей семантической выразительностью отличались мемориальные образы окружающей его природной среды, так как их смысловое значение отражало свойственную греко-римскому правосознанию уверенность в единстве Вселенной и полисного микромира.

Образное восприятие уроков истории через мемориальное пространство природно-географического ландшафта достигалось в античной историографии с помощью реализации прагматической установки на создание особых мнемонических кодов, соответствующих нравственно-политическому значению тех или иных событий прошлого для

укрепления общегражданского единства. Подобные повествовательные приемы плодотворно использовались древнеримскими историками и географами с целью показать обусловленность политического лидерства Рима в Средиземноморье его географическим положением и цивилизующей ролью по отношению к другим народам античной ойкумены.

В исторических сочинениях, посвященных возвышению Римской державы, роль универсального локуса традиционно отведена долине Тибра, где, по словам Тита Ливия, «судьба предопределила зарождение столь великого города и основание власти, уступающей лишь могуществу богов». Латинская мифологическая традиция связывала сакрализацию Палатинского холма с мотивами героического эпоса, посвященного Геркулесу. Согласно версии Тита Ливия, именно здесь мифический полубог нашел временное пристанище после убийства чудовищного великана Гериона. Сюда он увел его дивных быков, преодолев Тибр вплавь, «чтобы отдых и тучный корм восстановили силы животных». Здесь же Геркулес получил пророчество о том, что его ожидает бессмертие, и освятил собственный алтарь, предназначенный для будущих поколений «самого могущественного на земле народа», который станет почитать божественного сына Юпитера в качестве своего Великого покровителя¹⁶.

Раннелатинская семантика поклонения Геркулесу формировалась под влиянием представлений о его воинственности и харизматической воле к победе над врагом. Те же свойства приписывались и легендарному Ромулу, хотя его генеалогия восходит через троянского героя Энея к богине Афродите. В греческих сказаниях олимпийского цикла нередко встречается мотив трансформации буйной и смертоносной природы бога войны Ареса (Арея) под влиянием нежной любовной силы, воплощенной в образе Афродиты Киприды. В то же время хтоническая сила божественных любовников заставляет их предаваться первобытной страсти, нарушающей совершенство мирового порядка. От их союза рождается Гармония. Ее умиротворяющее влияние на людей и богов недолговечно и сопровождается неисчислимыми бедствиями для тех, кто очаровывается ею сверх меры¹⁷.

Мифологическая основа семантики мнемонических кодов историко-литературного сюжета об обожествлении Ромула хорошо прослеживается на примере отношения римской историографии к его деяниям, совершенным в период основания «Вечного города». По мнению Тита Ливия, общеизвестные мифы о «римских древностях» возникли из старинного предания о божественном происхождении незаконных сыновей жрицы Реи Сильвии. «Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, — меньшее бесчестье»¹⁸. Как бы то ни было, двойственная природа Ромула проявила себя уже в его первых политических начинаниях.

Убив родного брата Рема за насмешку над непрезентабельностью оборонительных стен основанного ими города, Ромул строит новые военные укрепления на Палатине. Затем в соответствии с древними альбанскими обрядами он приносит одинаковые благодарственные жертвы всем италийским богам, особо почтив по греческой традиции лишь непобедимого Геркулеса. Воздав должное бессмертным небожителям, Ромул проявил заботу о своих подданных и поручился за их благополучие перед богами-покровителями Рима. Созвав толпу, он дал ей законы, чтобы сплотить ее в единый народ и упорядочить быт людей, привыкших действовать по внушению страсти. Сочетание воинственности и кротости, свойственное образу Ромула в интерпретации Тита Ливия, скорее всего, является отголоском мифологических представлений о гармоническом единстве неба и земли, проникших в римскую историографию под греческим влиянием. О родственности этого образа культа Марса и Венеры свидетельствуют дальнейшие действия, совершенные Ромулом ради укрепления военно-стратегического положения Рима и формирования институциональных основ брака.

Избрание долины Тибра в качестве классического места памяти латинской историографии, населенного образами древних полубогов, вероятно, было подсказано религиозно-политической практикой визуального воздействия на образ мышления древнеримского гражданина. Т. Моммзен справедливо отметил, что именно на Палатине и «подле него сосредоточивались все народные сказания об основании города». Именно там усилиями понтификов и патрицианской части сената создавались святыни, воспроизводящие сакрализованные образы легенд о Ромуле и Реме на основе визуально-мнемонических кодов репрезентативного характера. Обращение к ним было важным элементом текстовой стратегии, позволяющей гражданину-интеллектуалу извлечь нравственно-патриотический урок из событий прошлого, что не исключало возможности сопоставления политико-правовых учреждений древности и современного ему состояния римской государственности со всеми ее достоинствами и недостатками. Мнемонические коды, активизирующие историческую память, содержатся и в подробных географо-этнографических описаниях покоренных Римом земель, выполненных Полибием, Гаем Юлием Цезарем, Корнелием Тацитом, Иосифом Флавием и другими прославленными творцами античного историко-политического нарратива¹⁹.

Страноведческий компонент античных политико-правовых текстов нередко использовался греко-римскими интеллектуалами для выявления различий между эллинами и варварами в их отношении к высшему смыслу человеческого существования в пространстве космического универсума. Онтологический аспект историко-природоведческого нарратива стал решающим фактором превращения античной географии в науку, предназначенную для обслуживания потребностей политической практики. В классическом исследовании Страбона (ок. 64–63 гг. до н. э. – ок. 20 г. н. э.) утверждается, что географические знания приносят ощутимую пользу государственным деятелям, стремящимся наилучшим образом усовершенствовать свои природные дарования для служения общему благу. Только искреннее уважение к принципу законности позволяет политику успешно привести частные интересы граждан в надлежащее соответствие с общеполитическими ценностями. Выполнение этой задачи требует от него знаний о человеческой природе и «о всем прочем, что можно встретить в разных странах»²⁰.

Географический фактор, определяющий образ жизни и особенности мировоззрения каждого народа, занимает в произведении Страбона наиболее почетное место. Систематизированный им страноведческий материал позволял античному читателю постичь знаковый смысл многочисленных ландшафтных описаний античного нарратива и соотносить с ним особенности политической системы и правовой культуры большинства народов населенной ойкумены. Проблема культурно-исторической адаптации варварских стран, оказавшихся в сфере влияния античной цивилизации, уже была выявлена предшественником Страбона греко-римским историком Полибием. Он рассматривал особенности географической среды наряду с умением преодолевать ее трудности как важнейший показатель подготовленности народа к лидирующему положению в масштабах всемирной истории²¹.

Вопреки своему греческому происхождению Страбон был убежденным сторонником латинской политико-правовой концепции «Вечного Рима», которая постепенно набирала силу в среде эллинских интеллектуалов под влиянием ярко выраженной тенденции к военно-политическому лидерству римлян. Когда молодой Страбон впервые посетил «столицу мира» (44 г. до н. э.), он был восхищен красотой ее расположения и монументальностью городских зданий. Ничто не напоминало здесь о провинциальной скромности городов, расположенных на родном ему побережье Понта. Известно, что в зрелом возрасте Страбон подолгу жил в Риме, вращаясь в среде интеллектуально-политической элиты, и совершил несколько крупных путешествий от Кавказа до Египта, включая модные в то время развлекательные маршруты по странам Востока. По примеру Полибия он открыто заявлял о своей приверженности к римской государственно-правовой системе,

так как она уже доказала жизнеспособность, подчинив себе «лучшую часть» обитаемого мира «путем войн и мудрого государственного управления»²².

Наиболее благотворное последствие территориальной экспансии Рима Страбон видел в ее мощном цивилизующем воздействии на варварские народы, не затронувшем лишь военизированный быт кочевых племен. Он полемизирует с географической теорией Цицерона, который весьма высоко оценивал политические выгоды, связанные с местоположением «города на семи холмах». Находясь под несомненным влиянием платоновской модели идеального полиса из диалога «Законы», он стремился придать Ромулу черты образцового основателя государства, использующего особенности природного ландшафта в интересах эффективной реализации принципов общего блага. Место, где этот отдаленный потомок богов, берущий на себя ответственность интерпретировать их волю, проводит «священную борозду» в качестве городской границы, как ни одно другое подходило, по мнению Цицерона, для строительства будущей великой столицы античного мира. Обладая политической прозорливостью, Ромул в области, страдавшей от болезней, благоразумно избрал место, богатое источниками и здоровое, ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам²³.

Страбон оказался более реалистичен в оценке предполагаемых преимуществ географического положения «Вечного города». Население Рима было вынуждено веками преодолевать негативное воздействие окружающих его болот и заботиться об укреплении открытых внешних границ. Их естественная незащищенность длительное время создавала опасность нападения воинственных италийских племен, способствуя внедрению в гражданское самосознание римлян мифа о постоянной военной угрозе даже в эпоху политического расцвета Римской империи. Страбон предлагает собственную версию концепции *Roma aeterna*, включая в нее элементы теории синтеза различных форм полисной государственности. Предложенное им объяснение причин стабилизации императорского Рима возникло под влиянием изучения имперской практики управления вновь присоединенными провинциями и отвечало идеологическим потребностям верховной власти, заинтересованной в привлечении на свою сторону наиболее видных представителей местной интеллектуальной элиты.

По мнению Страбона, существует определенная политическая закономерность, позволяющая объяснить длительный успех военной активности Рима. Римляне «владеют почти что целой Европой», им подчинено все Ливийское побережье Средиземного моря и почти все прибрежные земли Азии, «если не считать областей ахейцев, зигов и гениохов, где в ущельях и бесплодных местностях население ведет разбойничью... жизнь». Под их власть постоянно отходит значительное количество земель из внутренних регионов европейского мира²⁴.

В этих условиях политическая мудрость римских правителей проявляется прежде всего в продуманной организации местной системы управления, куда включены элементы форм государства, существовавших у покоренных народов до их подчинения Риму. Например, одними частями подвластной римлянам земли управляют цари, «другими же римляне владеют сами и посылают туда префектов и сборщиков податей». Есть, по наблюдению Страбона, на территории Римской империи и «несколько свободных городов», связанных «исконной» дружбой с римлянами в форме союзнических отношений. Области, где «необходима для охраны военная сила», находятся в подчинении Августа Цезаря, а легаты и прокураторы управляют там «сообразно с обстоятельствами». География этих провинций совпадает с регионами расселения варварских племен и соседних с ними, еще не покоренных народов. Здесь господствует суровый климат. Его преобладание мало способствует плодородию земель, провоцируя развитие бедности и усиление воинственных настроений населения, склонного к постоянной конфронтации с римскими политиками²⁵.

Предложенная Страбоном концепция влияния природно-географической среды на политический быт народа содержит развернутую характеристику внешних факторов, под воздействием которых именно Европа имеет блестящие шансы на интеллектуальное и политическое превосходство над остальными народами ойкумены. В его представлении особая цивилизующая роль европейского материка объясняется тем, что все его части «удивительно приспособлены природой для усовершенствования людей и государственных форм». Например, умеренный климат равнины предоставляет широкие возможности для развития земледелия, формирующего склонность народа к миролюбию. Наоборот, население скалистых и холодных районов, удаленных от водных путей сообщения, отличается по нравственному облику воинственностью и отвагой, что позволяет ему противостоять неблагоприятным условиям существования. На стороне мирных земледельческих народов находится и значительный интеллектуальный перевес. Он проявляется в развитии их политико-правовой культуры, искусства и чувства гражданственности²⁶.

Европоцентризм географической теории Страбона обязан своим возникновением широко распространенному в античном мире представлению о цивилизационном превосходстве греков над римлянами. В сочиненной им апологии Европы косвенно прослеживается мысль, что именно политические традиции древнегреческого полиса оказали решающее воздействие на лидирующее положение европейских народов в мировом масштабе. «Миролюбие» древних греков, возникшее в результате благотворного влияния умеренного климата, быстро превратило в реальность их притязания на лидирующий международный статус. В результате возникновение искусства политики шло под знаком преобладания эллинской политико-правовой науки, а его знание стало рассматриваться как обязательный элемент имиджа успешного и авторитетного государственного деятеля.

Официальная политическая интонация «Географии» придает апологетический оттенок и оценке политико-правовой миссии римлян. Заслуга крупнейших политических деятелей Рима заключается в том, что они «не только заставили разобщенные... в силу условий местности... народы вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни». Высказывая это мнение, Страбон следовал традициям древнеримской историографии I в. до н. э. Ее ведущие представители всегда аргументировали идею «Вечного Рима» на основе тезиса о древности политико-правовых учреждений, возникших благодаря совместным усилиям нескольких поколений римского народа²⁷.

Быстрые успехи легендарных римских царей, умело привлекавших к себе италийских союзников, Страбон интерпретирует как результат воздействия древнегреческих политико-правовых идеалов, принесенных в Лациум потомками мифического Энея, некогда бежавшего из разрушенной ахейцами Трои. Придерживаясь официальной версии основания Рима, он все же старался соблюдать осторожность в оценке степени греческого влияния на формирование древнеримской государственности. Страбон лишь дважды упоминает об эллинских корнях троянских властителей Латинской области в связи с описанием церемонии освящения города Альба, основанного сыном Энея Асканием. По его рассказу, все высшие магистраты собрались вместе на Альбанской горе и «принесли жертву Зевсу». Спустя несколько сотен лет, когда перед царем Амоллием встал вопрос о социальном происхождении близнецов, рожденных его племянницей-весталкой Реей Сильвией, молва назвала в качестве их отца олимпийского бога-воителя Ареса²⁸.

Можно предположить, что пересказанный на страницах «Географии» миф об основании Вечного города, не случайно был одним из излюбленных мигрирующих сюжетов древнеримской историографии. В его содержании отражены отдельные элементы одного из наиболее архаичных по датировке «сценариев власти», использованных леген-

дарными царями Рима с целью укрепления своего политического имиджа в Латинской области. Версия о кровном родстве Ромула с богом войны как нельзя лучше способствовала обоснованию правомочности римской экспансии в италийских землях, население которых не сразу осознало тревожные перспективы своего соседства с римлянами.

Анализируя мероприятия архаических царей по укреплению обороноспособности «Вечного города», Страбон сделал обоснованный вывод о закономерности формирования в политическом сознании римлян понятия личной доблести как наиболее совершенного гражданского качества. Ведущую роль в обосновании древнеримского варианта идеи общего блага сыграли природные условия глубинных районов Лациума, где был основан город Ромула «по необходимости, а не по выбору». В качестве основного аргумента Страбон приводит основанные на его личных наблюдениях сведения о климатических особенностях Латинской области и степени ее пригодности для развития сельского хозяйства. В его описании Лациум второй половины I в. до н. э. уже представлял собой «благодатный край, богатый всевозможными плодами, кроме немногих местностей на побережье, которые болотисты и нездоровы..., или горных и каменистых областей». Скупость судьбы, отказавшей в своих милостях предприимчивому потомку божественного Энея, выразилась в недостатке пастбищ наряду с отсутствием плодородных земель, пригодных для развития садоводства и виноградарства. Даже Остия, основанная царем Анком Марцием в качестве морских ворот Рима, длительное время существовала без надежной гавани. Ее строительство было затруднено из-за речных наносов во время сезонных разливов Тибра и его притоков²⁹.

Западные историки последних десятилетий, изучающие предпосылки и начальные этапы формирования древнеримской государственности, справедливо призывают не пренебрегать оценкой влияния природно-климатического фактора на генезис традиции политико-правового мышления римлян. Например, по мнению британского исследователя Н. Дэвиса, культивация ригористического идеала доблестного гражданина, отдающего все душевные и физические силы на благо Отечества, во многом определялась присущей римлянам сильной привязанностью к земле, составляющей политическое наследие их предков. Самая большая опасность первоначального географического положения Древнего Рима заключалась в его оторванности от правого берега Тибра, что содействовало возникновению у его населения чувства постоянной неуверенности в своей безопасности, несмотря на естественную неприступность Капитолия и Палатина. Научная заслуга Страбона как раз и заключается в том, что он первым обратил внимание на зависимость уровня политико-правового мышления народа от особенностей его географического расселения. На страницах своей «Географии» он замечает: «Мне кажется, первыми основателями города руководило одинаковое соображение как в собственных интересах, так и в интересах потомства: римлянам подобает ожидать безопасности... не от укреплений города, а от мощи своего оружия и собственной доблести»³⁰.

Умение бросить вызов природным силам с целью поставить их на службу человеческим интересам со временем превратилось в важный составляющий элемент политической и правовой культуры Древнего Рима. Все крупные римские политики стремились к максимальному использованию ресурсов окружающей среды для укрепления могущества Римской державы не только социально-политическими, но и визуально-репрезентативными средствами. Противопоставляя чувство космической соразмерности вещей, свойственное картине мира образованных греческих политиков классической эпохи, римскому практицизму, направленному на «укрощение» враждебной человеку природы, Страбон особо подчеркивал наличие европейских корней римлян, позволивших им адаптировать эллинскую культуру к потребностям политической практики. Изучая топографию городского ландшафта Рима в контексте географической доктрины, он пришел к выводу о несомненном влиянии греческого канона красоты на многочисленные строительные инициативы Октавиана Августа.

Рим эпохи Страбона уже приобрел грандиозный облик главного города античного мира со множеством портиков, живописных парков и театров, расположенных в наиболее эффектных точках природного ландшафта. Создателю «Географии» нравилась гармоничность общественных зданий, возведенных вокруг Марсова поля (*Campus Martius*), «где к природной красе присоединяется еще красота искусственно созданная». Впечатление от грандиозности этого «прекрасного сооружения» усиливалось монументальным обликом новых форумов, раскинувшихся параллельно друг другу рядом с древним *Forum Romanum*³¹.

В древнеримской историографии императорского периода репутация «самого замечательного памятника» времен правления Октавиана Августа закреплена за Мавзолеем. Он был возведен на пустующей части Марсова поля между Фламиниевой дорогой и Тибром и представлял собой облицованное мрамором высокое сооружение, окруженное густыми посадками вечнозеленых пиний. Здесь же находилась бронзовая статуя Августа Цезаря, а внутри Мавзолея помещались гробницы самого императора и его близких родственников. Захоронение императорской семьи имело сакральный статус, а наиболее почитаемой святыней было место кремации Августа, окруженное железной решеткой и обрамленное черными тополями.

Вера в божественную природу Цезаря поддерживалась с помощью официального распространения среди рядовых римлян легенды, содержание которой известно в более позднем пересказе Гая Светония Транквилла. Когда сенаторы на своих плечах отнесли тело императора на Марсово поле и предали его там сожжению, «нашелся и человек преторского звания, клятвенно заявивший, что видел, как образ сожженного воспарил к небесам». За Мавзолеем находился «большой парк с прелестными аллеями для прогулок», посвященный Августу. Судя по материалам Страбона и Светония, образ природы служил в данном случае своеобразным мнемоническим кодом, напоминающим о единстве императора и римского народа³².

Уникальность «Вечного Рима» интерпретируется Страбоном как результат органичного синтеза древнеримского прагматизма и эллинского духовного идеала. Благодаря особому влиянию географического фактора латинская интеллектуально-политическая элита сумела превратить отвлеченные поиски философского абсолюта в составную часть деятельности образованного гражданина на общее благо и придать им выразительную мнемоническую форму визуально-репрезентативного значения. Наиболее архаичные отголоски этого синтеза проявили себя в легендарной истории основания Рима потомками «богоравного» царевича Энея в суровой и негостеприимной местности. Долгий и тернистый путь римского гражданина к обретению политической самоидентичности начинался в долине Тибра, ставшей в соответствии с греко-римской интеллектуальной традицией пространственно-образного мышления условным «местом памяти» с множественными смысловыми аллюзиями.

Благодаря Страбону образ «Вечного Рима» превратился в наиболее выразительный семантический топос политико-правовой культуры Нового времени с ее ярко выраженной тенденцией к европоцентризму в обосновании сущности и функций правового государства. Из античности он начал триумфальное шествие по страницам государствоведческих трактатов, историко-правовых штудий, нравственно-религиозных сочинений и дипломатических документов, направленных на практическую реализацию геополитической доктрины с ее акцентом на цивилизационное превосходство европейского Запада в мировом масштабе.

³¹ Диоген Лаэртций. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова; под ред. А. Ф. Лосева. М., 1986. VI, 2 (25). С. 222; Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л., 1979. С. 8–15, 86–155.

² Лукиан. Неучу, который покупал много книг. Фрагменты / пер. с др.-гр. Н. П. Баранова // Библиотека в саду. Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М., 1985. С. 77.

³ О методологических расхождениях между лингвистической концепцией текста, предложенной Ф. Соссюром, и семиотической конструкцией знаковых систем культуры, разработанной ведущими представителями тартуско-московской школы во главе с Ю. М. Лотманом, см. более подробно: Лотман Ю. М. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002 // URL: <http://www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02/html/30/03/2011>; Его же. О проблеме значения во вторичных моделирующих системах // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 181. Вып. II. С. 22–37; Его же. Лекции по структуральной поэтике // Там же. Труды по знаковым системам. Тарту, 1964. Т. 160. Вып. I. Введение, теория стиха. С. 39–45; Его же. О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. СПб., 2000. С. 462–484; Его же. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (статья первая) // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 214–222; Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 53–150 и далее; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 15–16, 45–60, 52–59.

⁴ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. С. 5–17, 385–388.

⁵ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 76 (308) // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / пер. с лат. Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова; под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972. С. 193.

⁶ Там же. II. 76 (309), II. 77 (313–314), II (308). С. 193.

⁷ Аристотель. Физика / пер. В. П. Карпова // Аристотель. Соч.: в 4 т. / под ред. И. Д. Рожанского. М., 1981. II В. 4, 196 а. С. 90; II В. 8, 199 а (5). Т. 3. С. 98; Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 78 (318–319), 78 (317). С. 194.

⁸ Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова // Платон. Соч.: в 3 т. / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М., 1970. Т. 2. 249 E–250 D. С. 185–186; Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1977. С. 53; Сократ следует мифологической традиции эллинов (см.: Гесиод. Теогония / пер. В. Вересаева // Гесиод. Полн. собр. текстов. М., 2001. С. 22; Аполлодор. Мифологическая библиотека / подгот. В. Г. Борухович. М., 1972. I. III (1). С. 6.

⁹ Цицерон Марк Туллий. Тускуланские беседы / пер. М. Гаспарова. I, XXIV, 59; I, XXV, 60–61. С. 227–228; I, XXV, 62–63. С. 228; I, XXVI, 64–65. С. 229 // Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения / сост. М. Гаспаров, С. Ошеров, В. Смирин. М., 1975. Цит. по: Йейтс Ф. Указ. соч. С. 62.

¹⁰ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 86 (352–354). С. 200–201; Симонид Кеосский. Энкомий Скопадам / пер. М. Гаспарова // Античная лирика. Греческие поэты / сост. В. Е. Витковский. М., 2001. С. 178; Платон. Протагор / пер. В. С. Соловьева. М., 1994. XXVI (339 B–341 E). С. 53–58; Йейтс Ф. Указ. соч. С. 43; Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. С. 7–73.

¹¹ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. II. 87 (358). С. 202.

¹² О происхождении концепции «Вечного Рима» см., например: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 67–86 и далее.

¹³ Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. I. 43–44. С. 112–113.

¹⁴ Феофраст. Исследование о растениях / пер. и прим. М. Е. Сергеенко. М., 1951. I. 2 (2–5). С. 16–17, I (3–4). С. 16–17; II. 2 (8). С. 55; IV. 14 (1–6). С. 156–157 и далее; Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. Л., 1972. I. 181. С. 68; I. 185–186. С. 69–70.

¹⁵ Геродот. Указ. соч. I. 193. С. 72.

¹⁶ Тит Ливий. История Рима от основания Города / под ред. В. М. Смирин. М., 1989. Т. 1. I. 4 (1). С. 12; I. 7 (4–11). С. 15.

¹⁷ Об официальных аспектах культа Геракла в период принципата см., например: Штаерман Е. М. Отражение классовых противоречий II–III вв. в культе Геракла // Вестн. древней истории. 1949. № 2. С. 60–72; Heresülles // Реальный словарь классических древностей по Ф. Любкеру / под ред. Ф. Гельбике и др. СПб., 1885. С. 607–612.

¹⁸ Тит Ливий. Указ. соч. Т. 1. I. 4 (2). С. 12–13; I. 7 (2–3). С. 14–15; 8 (1–15). С. 16–18. См., например, изложенную Титом Ливием легенду о похищении сабинянок.

¹⁹ Моммзен Т. История Рима. До битвы при Пидне / пер. и ред. С. И. Ковалева, Н. А. Машкина; отв. ред. А. Б. Егоров. СПб., 1994. Т. I. С. 56; Тит Ливий. Указ. соч. Т. 1. I. Предисловие, 9. С. 9–10; Гай Юлий Цезарь. Галльская война (Bellum Gallicum) // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М. М. Покровского. М., 1993. VI (13–28). С. 125–132; Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / пер. А. С. Бобовича // Корнелий Тацит. Соч.: в 2 т. Анналы. Малые произведения. Л., 1969. Т. 1. С. 353–373; Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. Я. Л. Черткова; под ред. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. Минск, 1991. III (3). С. 217; V (4–5). С. 331–341.

²⁰ *Страбон*. География: в 17 кн. / пер. и коммент. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. М., 1964. XVII. III. 24 (С. 839). С. 771; I. I (С. 1–2). С. 7.

²¹ *Полибий*. Всеобщая история: в 2 т. Т. 1. Кн. I–X / пер. Ф. Мищенко. М., 2004. III. 50–59. С. 208–215; III. 36–38. С. 195–197.

²² *Страбон*. Указ соч. XVII. III. 24 (С. 839). С. 771; *Полибий*. Указ. соч. VI. 1. С. 439–440, VI. 11. С. 451–452; VI. 51–56. С. 485–489.

²³ *Цицерон*. О государстве (*De re publica*) / пер. В. О. Горенштейна // *Цицерон*. Диалоги. О государстве — о законах / отв. ред. С. Л. Утченко. М., 1966. II (IV, 7–9). С. 36; II (XI, 17). С. 38, II (III, 5–6). С. 35–36.

²⁴ *Страбон*. Указ. соч. XVII. III. 24–25 (С. 839–840). С. 771–772.

²⁵ Там же. XVII. III. 25 (С. 840). С. 772.

²⁶ Там же. II. V. 26 (С. 126). С. 126.

²⁷ Там же. II. V. 26 (С. 126–127). С. 127.

²⁸ Там же. V. III. 2 (С. 230). С. 215.

²⁹ Делая указанные выводы, Страбон опирается на недошедшие до нашего времени материалы римского историка Квинта Фабия Пиктора, который составил первое описание истории Рима от Энея до 2-й Пунической войны. По сообщению Тита Ливия, в 216 г. до н. э. Фабий возглавил римское посольство в святилище Аполлона Дельфийского. См.: *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 2 / пер. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеенко; ред. В. М. Смирин. XXIII. 11 (1–2). С. 115; *Страбон*. Указ соч. V. III. 1 (С. 228). С. 214; V. III. 5 (232). С. 217.

³⁰ *Дэвис Н.* История Европы. М., 2004. С. 110; *Грималь П.* Цивилизация Древнего Рима / пер. И. Эльфонд. Екатеринбург, 2008. С. 102–107 и далее; *Страбон*. Указ. соч. V. III. 7 (С. 234). С. 219.

³¹ *Страбон*. Указ. соч. V. III. 8 (235–236). С. 220.

³² *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990. II. 100. С. 78.

К. С. Балицкий*

ВСЕРОССИЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ. ПОБЕДЫ СТУДЕНТОВ УрГЮА

Часть I

Статья посвящена истории создания и порядку проведения Всероссийской студенческой юридической олимпиады. Рассматриваются изменение количества номинаций, сроков проведения и другие организационные вопросы Олимпиады с момента ее создания в 1998 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Всероссийская студенческая юридическая олимпиада, история создания, победители

The article is devoted to history of creation and order provide of All-Russian student's juridical olympics. The author examines changes in the number of nominations, timing and other arrangements with the Olympics since its inception in 1998 to the present.

Key words: All-Russian student's juridical olympics, history of creating, winners

Существует большое количество студенческих научных мероприятий: конференции, судебные дебаты, модели различных международных организаций, конкурсы на лучшую научную работу, конкурсы ораторского искусства и т. д. Безусловно, каждая конференция или конкурс по-своему интересны и важны с точки зрения углубления знаний по тому или иному предмету, приобретения навыков публичного выступления и, наконец, расширения юридического кругозора. Все это обязательно пригодится в будущей профессиональной деятельности.

Полагаю, что особое место среди этих важнейших студенческих научных мероприятий занимает Всероссийская студенческая юридическая олимпиада (далее – Олимпиада). Убежден, что именно она является наиболее сложным студенческим конкурсом, для удачного выступления на котором необходимо приложить немало сил.

Например, для участия в конференции нужно подготовить доклад и тезисы выступления. Это, безусловно, нелегко, поскольку важно раскрыть заявленную тему лаконично, а также ярко и просто. Но подготовка к конференции по сложности не может сравниться с подготовкой к Олимпиаде, которая требует знаний, выходящих за рамки учебной программы, прочтения дополнительной литературы, свободного ориентирования в проблемных вопросах дисциплины. Победить на Олимпиаде (особенно в ее финальном туре) – очень престижно, а участие в ней оставляет в памяти яркие впечатления.

Студенческие олимпиады проводятся по большинству существующих учебных направлений, не является исключением и юридическое направление.

Четырнадцать лет назад, в 1998 г., по инициативе Молодежного союза юристов и при поддержке Российского фонда правовых реформ, Министерства образования РФ, Министерства юстиции РФ, Администрации Президента РФ и ряда крупнейших юридических вузов России прошла первая Всероссийская студенческая юридическая олимпиада. Председателем исполнительного комитета Олимпиады был назначен занимавший в то время пост президента Молодежного союза юристов Владислав Валерьевич

* Балицкий Кирилл Степанович – аспирант кафедры трудового права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: kirill-master@list.ru.

Гриб (ныне — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО МИД РФ).

С момента создания Олимпиады несколько раз менялись сроки ее проведения, количество номинаций и др. Неизменным всегда оставалось одно — стремление выявить лучших студентов, обладающих по отдельным направлениям юриспруденции наибольшими знаниями.

Порядок проведения

Всероссийской студенческой юридической олимпиады

Олимпиада проводится в три тура: первый — вузовский, второй — окружной и третий — финальный.

В первом туре участвуют студенты отдельного высшего учебного заведения. Например, в УрГЮА вузовский тур состоит из двух этапов. На первом этапе студенты решают тестовые задания, по результатам которых 6–8 человек, набравших наибольшее количество баллов, проходят во второй этап первого тура. На этом этапе участникам предлагается за три часа решить несколько задач (их количество, как правило, не превышает 5–6) с использованием заранее названных нормативных актов.

Победители первого тура в каждой номинации получают возможность принять участие во втором (окружном) туре Олимпиады — среди студентов, обучающихся в юридических вузах одного федерального округа. Так, второй тур Олимпиады по Уральскому федеральному округу по традиции проходит в УрГЮА, в нем участвуют студенты более 15 юридических вузов: Южно-Уральского государственного университета, Челябинского государственного университета, Тюменского государственного университета, Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, Сургутского государственного университета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Югорского государственного университета и т. д.

Окружной тур Олимпиады проходит в форме устного выступления по билетам. Он отличается от обычного экзамена тем, что ответ оценивают несколько (6–8) человек. Кроме того, вопросы на данном этапе значительно сложнее экзаменационных и, как правило, носят проблемный характер.

Необходимо отметить, что в 1998, 1999 гг. также проводился межрегиональный тур Олимпиады. Для этого Россия была условно разделена на 14 «межрегиональных районов». Например, к Уральскому району были отнесены Свердловская область, Челябинская область, Пермская область, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Курганская область, Оренбургская область и Коми-Пермяцкий автономный округ. В качестве базового вуза для проведения межрегионального тура по Уральскому району была выбрана УрГЮА.

Победители второго тура проходят в третий (финальный) тур. Количество номинаций финального тура Олимпиады постоянно изменялось. В 1998 г. существовало только три номинации: «Конституционное право», «Гражданское право» и «Уголовное право». В 1999 г. к ним добавилась «Теория государства и права», в 2001 г. Олимпиада была проведена по рекордным 9 номинациям (помимо перечисленных — «Международное право», «Административное и финансовое право», «Информационное право», «Германское право», «Юридический перевод», а номинации «Гражданское право» и «Уголовное право» были дополнены «Гражданским» и «Уголовным процессом» соответственно). Однако такое большое количество номинаций просуществовало всего год и уже с 2002 г. стало постепенно уменьшаться. Так, в 2002 г. была исключена номинация «Германское право», а в 2003 г. — «Информационное право» и «Юридический перевод». С 2006 г. Олимпиада проводится только по трем «классическим» дисциплинам: конституционно-му, гражданскому и уголовному праву.

Справедливость и целесообразность такого подхода не раз ставились под сомнение. Однако организаторы Олимпиады были категорически против расширения количества направлений. Только в 2008 г. единственный раз была введена номинация «Международное право», а в 2009 г. — номинация «Адвокатура».

В 2007 г. УрГЮА приняла решение о проведении в своих стенах третьего тура Олимпиады по расширенному перечню номинаций, но уже под эгидой не Молодежного союза юристов, а Министерства образования РФ. Это был очень важный и необходимый шаг, так как многие студенты желают принять участие в названном мероприятии, интересно выявить лучшего из них на федеральном уровне не только по трем установленным, но и по другим предметам.

Некоторое время спустя инициативу УрГЮА поддержала Хабаровская государственная академия экономики и права. Сегодня финальный тур Всероссийской студенческой юридической олимпиады одновременно проводят сразу три вуза: Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина — под эгидой Молодежного союза юристов (именно эта Олимпиада проводится с 1998 г.); Уральская государственная юридическая академия, Хабаровская государственная академия экономики и права — при поддержке Министерства образования и науки РФ.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, когда по одному направлению выявлены несколько победителей Олимпиады. Безусловно, по конституционному, гражданскому и уголовному праву наиболее авторитетна победа в финальном туре, проходящем в МГЮА. Но это ни в коем случае не умаляет значимости победы в этих номинациях в финальном туре, проводимом в других вузах.

Интересно, что третий тур самой первой Олимпиады одновременно проводился в трех вузах Москвы: в номинации «Конституционное право» — в Московской государственной юридической академии, в номинации «Гражданское право» — на юридическом факультете Московского государственного университета, в номинации «Уголовное право» — в Московском юридическом институте МВД РФ.

В последующие годы финальный тур Олимпиады проходил в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете и др. С 2006 г. он проводится в Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина.

Необходимо отметить, что уже несколько лет в Омском государственном университете проходит своя студенческая юридическая олимпиада (в конце марта — начале апреля). Организаторы называют эту олимпиаду *региональным* туром Всероссийской студенческой юридической олимпиады. Однако не совсем понятно, о каком регионе идет речь, так как базовым вузом для проведения окружного тура Олимпиады по Сибирскому федеральному округу является Иркутский государственный университет. Кроме того, в этой олимпиаде принимают участие не только представители юридических вузов, расположенных в Сибирском федеральном округе, но и студенты из других округов — Центрального, Приволжского и Уральского. Представляется, что более корректно было бы назвать данную олимпиаду межрегиональным туром или «Открытая студенческая олимпиада Сибирского федерального округа по юриспруденции».

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на неопределенность статуса олимпиады в Омске, с каждым годом уровень ее организации неизменно растет, а конкурсные задания для участников становятся более интересными.

Сроки проведения

Всероссийской студенческой юридической олимпиады

В настоящее время Олимпиада проводится с февраля по апрель. В конце февраля — начале марта — первый тур, в середине марта — второй тур, в середине апреля — финальный тур.

Отметим, что Всероссийская студенческая юридическая олимпиада не проводилась в 2000, 2004 и 2005 гг. Таким образом, на сегодня всего было проведено 11 всероссийских студенческих юридических олимпиад (1998, 1999, 2001–2003, 2006–2011 гг.).

В 2011 г. Президиум Ассоциации юристов России принял крайне важное решение о том, что начиная с 2012 г. существующие всероссийские студенческие юридические олимпиады будут объединены в одну, а исключительное право на проведение третьего тура получают только два вуза: Санкт-Петербургский государственный университет и Уральская государственная юридическая академия. Единая Олимпиада будет проводиться под эгидой Министерства образования и науки РФ, Ассоциации юристов России и Молодежного союза юристов.

Как именно будут разделены между вузами функции по организации финального тура Олимпиады (по годам или по номинациям), в настоящее время не определено, но, безусловно, необходимость систематизации олимпиадного движения назрела давно. Проведенные реформы, несомненно, сделают Всероссийскую студенческую юридическую олимпиаду еще более значимым научным мероприятием и придадут импульс ее дальнейшему развитию.

С начала проведения олимпиад студентами Уральской государственной юридической академии одержано большое количество побед в окружном и финальном турах. Это свидетельствует о традиционно высоком качестве юридического образования в Академии и о наличии в ней прекрасных преподавателей, которые дают студентам важный для будущей профессиональной деятельности теоретический фундамент.

Л. А. Маргарян*

КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НОРМ И ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Данная статья является попыткой взглянуть на нагорно-карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном, используя нормы и принципы международного права и не прибегая к политической экспрессии. Последовательно перечисляются важнейшие аргументы, позволяющие констатировать юридический факт возникновения вопроса о статусе Нагорного Карабаха в 1918 г. как межгосударственного спора. Основное внимание уделяется раскрытию принципов территориальной целостности и самоопределения народов.

Ключевые слова: Нагорный Карабах, право народов на самоопределение, Армения, Азербайджан, вооруженная агрессия, этнополитический вооруженный конфликт, мирное урегулирование споров

This article is an attempt to look at the Nagorno-Karabakh conflict between Armenia and Azerbaijan, using norms and principles of international law and not resorting to political expression. The author consistently lists the major arguments ascertaining the state legal fact of the status of Nagorno-Karabakh in 1918 as an interstate dispute. The focus in the text is on the disclosure principles territorial integrity and determination of peoples.

Key words: Nagorno-Karabakh, the right of peoples to self-determination, Armenia, Azerbaijan, armed aggression, ethnopolitical armed conflict, peaceful settlement of disputes

Возникновение карабахского вопроса как вопроса о самоопределении и воссоединении со своим народом в рамках единого армянского государства с целью освобождения от чужденационального ига и постоянной угрозы физического уничтожения восходит ко времени распада Российской империи и образования национальных государств в Закавказье.

Азербайджан рождался с претензиями на границы государства, которое простиралось бы от Каспийского до Черного моря. Слова бравурного марша «Бир, ики, Кавказ бизимти» («Раз, два, Кавказ наш») не были лишены реального смысла¹.

Одним из объектов территориальных претензий Азербайджана был Карабах. Территория Карабаха на протяжении многих веков входила в состав Армянского государства в качестве одной из его областей. После разрушения Армянского царства эта территория в течение нескольких веков была под властью персидского шаха, управлялась полузависимыми армянскими меликами. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г., впоследствии замененному Туркменчайским договором 1828 г., Карабахское ханство перешло под власть России. Армянская республика, отстаивая территориальную целостность своего народа, естественно, опиралась на то, что армяне, составляющие 95 % населения Нагорного Карабаха, добивались воссоединения в рамках собственного национального государства на основе неотъемлемого права народов на свободное самоопределение.

Констатация юридического факта возникновения вопроса о статусе Нагорного Карабаха в 1918 г. как межгосударственного спора основывается, в частности, на следующих аргументах:

1) Нагорный Карабах де-юре Азербайджану никогда не принадлежал, и тот никогда не обладал полноценным международно-правовым титулом на эту территорию;

* Маргарян Лидия Аветиковна — студент Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: lidiayadea@yandex.ru.

2) статус Нагорного Карабаха как спорной территории был признан сторонами – Азербайджаном и Арменией, – а также Россией и международным сообществом (Парижской мирной конференцией и Лигой Наций);

3) Азербайджанская ССР отказалась от своих территориальных претензий на спорные территории в пользу Армянской ССР, и, как следствие, они де-юре составляли часть государственной территории Армении;

4) добиваясь пересмотра границы с Арменией, Азербайджан признал право армян Нагорного Карабаха на «свободное» и «полное» самоопределение;

5) решение партийного органа третьей страны – Кавказского бюро ЦК РКП(б) – не могло служить международно-правовым основанием для приобретения территории и было признано юридически ничтожным как Арменией, так и Азербайджаном;

6) Конституция СССР как внутригосударственный акт неправового государства не могла служить международно-правовым основанием для приобретения спорной территории².

В свете этих международно-правовых реалий ссылка на территориальную целостность Азербайджана в границах, включающих Нагорный Карабах, несостоятельна, и речь может идти лишь о нарушении территориальной целостности ограбленной Армении. В то же время, подчиняя свои территориальные права праву населения Нагорного Карабаха на свободное и полное самоопределение, Армения демонстрирует гибкий подход, свидетельствующий о ее готовности к решениям, не обязательно связанным с присоединением области к Армении.

Юридический смысл позиции Армении заключается в том, что пока независимость армянского Нагорного Карабаха как проявление его права на самоопределение не будет признана де-юре, Республика Армения не откажется де-юре от своих прав на эту армянскую, а не азербайджанскую территорию.

Стороны, вовлеченные в вооруженные этнополитические конфликты, – а их сейчас в мире немало, – выдвигают в обоснование своей позиции наиболее выгодные для себя международно-правовые принципы. Одни настаивают на нерушимости территориальной целостности государства, другие апеллируют к праву народов на самоопределение, бесспорному праву распоряжаться своей судьбой³.

Можно ли в таком случае говорить о верховенстве одного правового принципа над другим? Полагаю, нет. Во-первых, потому, что, к примеру, Заключительный акт СБСЕ, принятый в Хельсинки 1 августа 1975 г.⁴, на который часто ссылаются адепты «территориальной целостности», предусматривает равенство всех десяти провозглашенных в Акте принципов международного права, что однозначно исключает главенство одного принципа над другим: территориальной целостности над правом народов на самоопределение. Во-вторых, применимость и действенность принципов в каждом конфликте должна определяться массой конкретных факторов, имеющих отношение к истории возникновения вооруженного конфликта.

Праву народов на самоопределение посвящено гораздо большее число документов ООН и международных конвенций, чем принципу территориальной целостности.

Начнем с того, что еще до принятия Устава ООН США и Великобритания приняли 14 августа 1941 г. декларацию (Атлантическую хартию), в которой провозгласили общие принципы национальной политики этих двух государств во Второй мировой войне. В п. 3 хартии, в частности, указывалось: «Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправлению тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»⁵.

Данный принцип стал одним из главенствующих и в Уставе ООН, в этом классическом международно-правовом и нормообразующем документе. В первой главе Устава излагаются цели и принципы этой международной организации. Согласно п. 2 ст. 1 одна

из ее целей – «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира»⁶. А п. 4 ст. 2 гласит: «Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются от угрозы силой и ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций»⁷.

Что же касается нерушимости границ, то речь об этом идет в контексте внешней агрессии и права на самооборону (ст. 51)⁸.

Принятая 14 декабря 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам⁹ позволила подавляющему большинству нынешних членов ООН обрести свободу, независимость и государственность именно «на основе уважения принципов равноправия и самоопределения всех народов и всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» и исходя из того, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Принцип равноправия и самоопределения народов провозглашается и в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г.¹⁰, в Декларации об укреплении международной безопасности от 16 декабря 1970 г.¹¹, резолюциях ГА ООН от 22 ноября 1974 г. и 14 декабря 1974 г. и других международно-правовых документах. В них о принципе территориальной целостности говорится в контексте недопустимости внешней агрессии.

В Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров, принятой 23 августа 1978 г., указывается, что участники Конвенции принимают «во внимание принципы международного права, воплощенные в Уставе ООН, такие как принципы равноправия и самоопределения народов, суверенного равенства и независимости всех государств, невмешательства во внутренние дела государств, запрещения угрозы силой или ее применения и всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех»¹².

Что же касается нагорно-карабахского конфликта и других этнополитических вооруженных конфликтов, то народы этих территорий не совершали никаких агрессивных действий против государств, правление которых эти народы отвергают на основе своего права на самоопределение. Напротив, армянский народ Нагорного Карабаха стал объектом вооруженной агрессии с целью подчинения его власти Азербайджанского государства. Более того, нагорно-карабахский конфликт тем и отличается от большинства других так называемых этнополитических проблем, подлежащих урегулированию на основе самоопределения народов, что эта территория с 1918 г., после появления Азербайджана и Армении в качестве субъектов международного права, получила статус спорной территории, подчиненной праву армянского населения Карабаха на самоопределение. В такой непростой ситуации без четкого обозначения предмета спора невозможно установить, кто его стороны, каковы их позиции, и вести поиск подходящих средств урегулирования.

В практике и теории международного права и международных отношений спор определяется как разногласие в форме претензий или обвинений, их отклонение или отрицание, предъявление встречных претензий или обвинений.

Система мирного урегулирования споров, предусмотренная Уставом ООН, относится к любым международным спорам безотносительно к их предмету, форме, происхождению, сторонам и т. д. Как видно из текста Устава и Статута Международного суда, это могут быть политические споры или споры юридического характера, в частности тер-

риториальные. Устав ООН, отдавая предпочтение (по возможности) урегулированию спора непосредственно участвующими в нем сторонами даже в той стадии, когда продолжение его могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, предписывает, что стороны «должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»¹³ (п. 1 ст. 33).

Вместе с тем предусмотренная Уставом ООН система урегулирования споров не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения вопросов, относящихся к поддержанию мира и безопасности. Необходимо, чтобы действия региональных органов и применение соглашений находились в строгом соответствии с Уставом ООН.

Нужно использовать все имеющиеся в распоряжении международного сообщества мирные средства и процедуры, весь опыт урегулирования международных конфликтов, чтобы найти оптимальные, кратчайшие пути к заветному миру.

¹ Международное признание статуса Карабаха как спорной территории // URL: <http://www.nkr.am/ru/publications/69>.

² Барсегов Ю. Г. Нагорный Карабах в международном праве. М., 2009. Т. II. С. 380.

³ Там же. С. 381.

⁴ Заключительный акт СБСЕ. Хельсинки, 1975 // URL: http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf.

⁵ Атлантическая хартия // URL: http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/3_24.html.

⁶ Устав ООН // URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам // URL: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r15-1514.pdf>.

¹⁰ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/351/54/IMG/NR035154.pdf?OpenElement>.

¹¹ URL: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r25-2734.pdf>.

¹² URL: http://www.un.org/russian/law/ilc/succession_treaties.pdf.

¹³ Устав ООН.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
«Уральская государственная юридическая академия»
А. Н. Митин

Редактор *И. П. Тимофеева*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано в печать 23.04.12. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 4,50

Издательский дом
«Уральская государственная юридическая академия».
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru